

Харківське юридичне товариство

**СВОБОДА РЕЛІГІЇ І СВОБОДА СЛОВА
ПІСЛЯ CHARLIE HEBDO**

Збірка есе

**Харків
2015**

УДК 342.724:2

Упорядники:

Дмитро Вовк, к.ю.н.

Олена Уварова, к.ю.н.

Свобода релігії і свобода слова після Charlie Hebdo : збірка есе до круглого столу Харківського юридичного товариства 25 лютого 2015 року / Упорядники Д. Вовк, О. Уварова. – Харків, 2015. – 100 с.

ЗМІСТ

Баумейстер Андрей. Контуры толерантности	4
Биля-Сабадаш Ірина. Блюзнірство та (або) критика у принизливій формі в контексті свободи релігії	8
Бочаров Дмитро. Про користь насмішки в царині релігії	10
Бурлай Євген. Повтор можливий, але хай можливість не перетвориться на дійсність	13
Варламова Наталія. Свобода вираження мнень і свобода совести в светском государстве	15
Горобець Костянтин. «Шарлі Ебдо», толерантність і «больовий поріг» суспільства: деякі правові маркери	19
Довгополова Оксана. SOLIDARITÉ	22
Євсєєв Александр, Сохіякян Анна. Борьба с «преступлениями ненависти» по уголовному законодательству США	24
Лукьянов Дмитрий. Особенности концепции свободы слова в исламе	28
Максимов Сергей. От взаимных обвинений к диалогу	31
Мартынюк Едуард, Никитченко Елена. Если рассуждать, то по Совести, а судить, то по Праву...	33
Пермяков Юрий. Свобода слова и страх именованія (после Шарли Ебдо)	36
Рабінович Сергій. Випадок «Charlie Hebdo»: «право на ображання» та його межі	42
Рабинович Петр. К вопросу о пределах осуществления прав человека (в связи с ситуацией издания Charlie Hebdo)	45
Разметаева Юлия. О свободе слова и свободе религии	48
Сатохина Наталія. Свобода слова после Сократа	50
Смородинський Віктор. Особливості дії «принципу нейтральності» у правовій системі Франції	52
Трембич Андрей. Смех как демократия. Демократия как смех	55
Уварова Елена, Вовк Дмитрий. Свобода слова и свобода вероисповедания: неиллюзорность баланса	66
Харитоновна Елена. Преступление в «Шарли Эбдо»: конфликт как искусство границ	85
Ярмол Лілія. Свобода вираження поглядів та межі її здійснення (у світлі трагічних подій у Парижі 7 січня 2015 року)	90
Трагедія Charlie Hebdo у світовому інтелектуальному дискурсі	95

*Андрей Баумейстер,
кандидат философских наук (г. Киев)*

КОНТУРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В связи с трагическими событиями января 2015 года французский еженедельник *Charlie Hebdo* не только обрел мировую известность, но и превратился в некий символ свободомыслия и вольнодумства. Дискуссии вокруг этого издания обозначили два полюса в понимании идеи толерантности. С одной стороны, люди с секулярным мировоззрением (крайняя форма которого – воинственное безбожие) справедливо отстаивают право выражать свои взгляды публично. Однако, с другой стороны, их оппоненты правы в том, что выражение антирелигиозных взглядов должно совершаться в более уважительной форме, без оскорбления религиозных чувств верующих людей. Проблема состоит в том, что фиксация этих полюсов не дает ответа на главный вопрос: что же такое толерантность, каковы ее контуры? Как далеко распространяется граница моей свободы публично выражать свои взгляды (с помощью слов, изображений или действий)? В какой форме могут и должны вести диалог в рамках конкретного общества люди различных мировоззрений? Безусловно, (1) каждый *имеет право* выражать свои взгляды публично, но одновременно он (2) *не имеет права* оскорблять других людей (их чувства, их культуру, их традиции). Однако «чувства других людей» (религиозные или антирелигиозные) или, еще шире, «культурные права других людей», очень трудно описать в терминах права. Здесь мы вынуждены переходить границы права и обращаться к моральному и культурному контексту конкретного общества (к тому, что у Аристотеля обозначалось как *ethos*, а у Гегеля – как *Sittlichkeit*). А это значительно усложняет проблему.

Допустим, *de jure* я могу открыто выражать свои идеи (если они не имеют ничего общего с экстремизмом, с призывами к насилию и нарушению общественного порядка). Но, с другой стороны, очень трудно описать в терминах права, *как именно* я могу и должен выражать свои идеи и каково должно быть *содержание* этих идей. Очевидно, что если кто-то оскорбил мои

религиозные чувства, я не должен прибегать к насилию (не говоря уже об убийстве). Но также очевидно, что я не могу юридически обжаловать чей-то плохой вкус или чью-то моральную бестактность (и то и другое, по моему мнению, как раз и отличает журналистов *Charlie Hebdo*). Мне будет очень трудно квалифицировать действия конкретных журналистов как идеологическое насилие (как идейный экстремизм) или как намеренную провокацию. Конечно, я могу подать иск за *оскорбление моего достоинства* (например, в Гражданском кодексе Украины в статье 23 говорится о том, что «моральный ущерб» может состоять в «унижении чести и достоинства»). Но мне будет крайне сложно доказать в суде, что грязные карикатуры на Христа или Деву Марию *непосредственно связаны* с оскорблением моего личного достоинства. Если оскорбят *меня лично* (и при свидетелях) – это одно дело. А если напечатают картинки, которые *кажутся* мне оскорбительными – это другое дело. В конце концов, тысячи французов покупают еженедельник *Charlie Hebdo* и проявляют интерес к подобной культурной «продукции». Франция – секулярное государство (с длительной традицией свободомыслия). Я ведь могу просто не читать этот журнал. Точно также, как атеист может не читать религиозную литературу и не обращать внимания на религиозную символику. Но здесь возникают нюансы (как юридические, так и моральные).

Не только во Франции, но даже и в Соединенных Штатах давно ведутся дискуссии о запрещении религиозной символики (например, креста) в публичных местах (школах, университетах, административных зданиях). Возможно ли юридическое решение этой проблемы? В Европе большинство университетов имеют религиозную историю. Каждый такой университет имеет свой храм или молитвенный зал. Аудитории и библиотеки этих университетов часто оформлены с использованием религиозных сюжетов. Допустим, на правовом уровне будет принято решение избавиться от всей религиозной символики. Что дальше? Будем сбивать кресты, барельефы, замазывать фрески и менять мебель? Ограничимся ли только христианской (мусульманской, иудейской) символикой или распространим запрет и на изображения античной религии и мифологии (которыми, кстати, изобилует христианское искусство с раннего Средневековья)? И все это мы назовем толерантностью? А как быть с

музеями (картины, скульптуры), с музыкальным репертуаром оперных театров (музыкальный репертуар в значительной мере связан с религиозным содержанием)? Что делать с традициями рождественских и пасхальных ярмарок, украшений городских центров в канун Рождества и Пасхи и т.п.? Хотя уже есть прецеденты. Например, в мэрии одного французского городка в конце прошлого года по постановлению местного суда был разобран Рождественский вертеп. Можно возразить, что мэрия – публичное место. Но как определить термин «публичное место» (учитывая вышеприведенную аргументацию о христианских корнях европейской культуры)? И разве еженедельник *Charlie Hebdo* продается не в публичных местах? Разве его эпатажные обложки не попадают на глаза верующих с регулярной частотой?

На мой взгляд, здесь возникает асимметрическое отношение между сторонами дискуссии: любая попытка защитить религиозную позицию оценивается противоположной стороной как посягательство на свободу. Но удивительным образом именно те, кто демонстрируют острое неприятие религиозной «пропаганды», не желают щадить повышенную чувствительность религиозных людей. Там, где одна из сторон позволяет себе издевки и оскорбления, трудно представить себе плодотворный диалог. Тогда в другом видят только темные предрассудки и примитивное мышление. Более того, чужое мировоззрение представляется как досадное зло, которое если и невозможно пока устранить, необходимо все же подвергать публичному осмеянию.

То, что я описал, можно назвать логикой агрессии, логикой ненависти. Подобная логика не только отказывается от христианского прошлого европейской культуры, но также истощает ресурсы для рационального оправдания наших практик. Без диалога с религией очень трудно наполнить смыслом такие важные для европейской традиции слова, как «права человека» или «достоинство личности». Более того, желая устранить религию из современного мира, мы рискуем создать объяснительный дефицит для понимания многих важных вещей. В конце концов, если религия исчезнет (представим себе это на минуту), то для чего будет нужен еженедельник *Charlie Hebdo*?

В качестве заключения я хотел бы предложить несколько тезисов, которые можно рассматривать как краткую программу для дальнейшего обсуждения.

1. Мы сегодня нуждаемся в выработке новых правовых механизмов для решения проблем, связанных с так называемыми «культурными правами» личности (право иметь или не иметь религиозную веру – это, безусловно, пример «культурных прав» человека). Даже примеры таких «благополучных» стран, как США, Великобритания, Франция и Германия, свидетельствуют о возрастающем дефиците общественного консенсуса по ряду ключевых «мировоззренческих» вопросов (место религии в современном мире, взгляды на семью, дискуссии вокруг права на аборт или права на эвтаназию и т.п.). Ситуация с культурными правами в Украине гораздо сложнее.

2. Эти проблемы не могут быть решены исключительно в рамках юридических процедур. Правовые нормы могут иметь значение только общих «правил игры» и давать только общие ориентиры.

3. Успешное решение вопросов, связанных с культурными правами индивидов и социальных групп, возможно только при условии использования «сложного (комплексного) языка» общественного диалога. Под «сложным языком диалога» я имею в виду взаимодействие различных словарей: правовой дискурс должен функционировать во взаимодействии с языками морали, науки, культуры, традиции и, конечно, религии.

4. Такой разговор невозможен без добродетели толерантности, в свете которой недопустимы не только угрозы физического воздействия на оппонентов (то, что терроризм является абсолютным злом, это даже не обсуждается), но и такие интеллектуальные стратегии, которые позволяют себе журналисты еженедельника *Charlie Hebdo*.

*Ірина Биля-Сабадаш,
кандидат юридичних наук (м. Харків)*

БЛЮЗНІРСТВО ТА (АБО) КРИТИКА У ПРИНИЗЛИВІЙ ФОРМІ В КОНТЕКСТІ СВОБОДИ РЕЛІГІЇ

Трагічна подія розстрілу редакції сатиричного журналу Charlie Hebdo у Франції актуалізувала дискусії з приводу співвідношення свободи слова і свободи совісті у секуляризованому суспільстві, а також гостро поставила питання про те, чи вдаються сучасні держава до всіх необхідних заходів, здатних мінімізувати випадки вирішення конфлікту між свободою слова і совісті у такий спосіб. Зокрема, постає питання, чи повною мірою використовується потенціал правового регулювання, як засобу зниження напруження у визначених суспільних відносинах, попередження загострення соціальних конфліктів і їх завершення за допомогою насильства.

Висловлюється думка, що «недостатня увага до потреб віруючих, нав'язування їм секуляризованого світогляду є одним з прихованих чинників посилення релігійного екстремізму», а «тероризм якоюсь мірою виглядає захистом релігійної традиції від безбожжя західного світу». Такі твердження логічно призводять до обґрунтування обмеження в певних випадках свободи слова на користь свободи совісті. У зв'язку з цим слід зауважити, що все ж таки не слід переоцінювати можливості правових засобів у попередженні випадків, коли конфлікт між свободою слова та совісті виступає реальною підставою або формальним приводом для здійснення терористичного акту. Як правило, такі конфлікти мають глибше коріння. По-перше, доцільно нагадати, що, зокрема, ісламський фундаменталізм ґрунтується на переконанні, що відділення церкви від держави рівнозначне знищенню релігійної сфери світською, а будь-які цінності секуляризованого суспільства несумісні з релігійним світоглядом. По-друге, впливовими додатковими чинниками тероризму як прояву релігійного екстремізму виступають також соціальне невдоволення, бідність, неосвіченість, що виводить питання подолання тероризму за юридичні межі. Цінність свободи виявляється лише за цивілізованих умов. «Якщо голодування, хвороби,

бідність, неписьменність, марновірство, незнання тощо наявні у значних масштабах, то свобода є неприпустимою розкішшю».

Водночас суспільна дискусія про можливість і доцільність обмеження свободи слова в контексті гарантування прав віруючих є потрібною і актуальною. Зокрема, у зв'язку зі стрімким старінням і зменшенням населення Європи і Північної Америки держави цих регіонів (а також Японія) не зможуть виконувати свою економічну функцію і соціальні зобов'язання без так званої міграції заміщення, яка охоплює вихідців з мусульманських країн. Присутність останніх, в свою чергу, загострює конфлікт між світськістю і релігійністю.

Слід погодитися з тим, що абсолютна толерантність до свободи слова – завелика розкіш. Практично загально визнаним є, що свобода слова може законно обмежуватися (як і будь-якої інша свобода), а спір викликає лише питання, наскільки далеко можуть зайти такі обмеження і про законні підстави таких обмежень. Особливо спірним є питання, чи повинні захищатися блюзнірство, а також на критика релігії, релігійних догматів, релігійних святинь тощо в принизливій формі. В цілому заборона блюзнірства та (або) критики у принизливій формі на користь свободи релігії є небажаним, а можливо й неприпустимим втручанням релігійності в сферу світськості. По суті йдеться про узаконення цензури з боку релігійних громад. Таке втручання небезпечно для усіх акторів громадянського суспільства без виключення і свободи як такої, воно надасть підстав вимагати подібних заборон і стосовно прав і свобод інших соціальних груп. А це означатиме кінець свободи слова і вільного раціонального дискурсу. Також важливим є питання, а як саме релігійні громади можуть поставитися до аналогічного втручання з боку світськості, до ситуації, коли держава, суд, суспільні організації будуть «цензурувати» релігійні видання, висловлювання духовних осіб на предмет віротерпимості, прихильності до свободи релігії та окремих прав, які з неї випливають, поваги до цінностей, які сповідують інші спільноти. Отже, вочевидь, слід пристати на позицію, що свобода слова в контексті свободи релігії і необхідності захисту почуттів віруючих повинна бути хоча й не абсолютною, але максимальною.

Стосовно можливих обмежень свободи слова у розглядуваному контексті слід відзначити такі випадки. Доцільною є тимчасова заборона блюзнірства та (або) критики у принизливій формі на користь свободи релігії за умови проголошення надзвичайного чи воєнного стану, якщо причиною їх проголошення стали конфлікти на релігійному ґрунті, або є достатні причини вважати, що такі конфлікти можуть долучитися до вже наявних соціальних конфліктів. По-друге, негативні правові наслідки доцільно передбачати для засобів масової інформації, які систематично розміщують матеріали, які містять блюзнірство і критику в принизливій формі, якщо це стосується якоїсь визначеної релігії, якщо засіб масової інформації є проявом інституціоналізації суспільного руху (платформи), який спрямований на розпалювання релігійної ворожнечі. По-третє, слід запроваджувати «просторові» обмеження свободи слова. Свобода висловлювань, що містять блюзнірство або критику релігії у будь-якій формі, та їх розповсюдження є недоречними і образливими, якщо йдеться про місця зібрань віруючих.

Наприкінці відзначимо, що важливими неюридичними інструментами попередження конфліктів між свободою слова і свободою совісті є широке запровадження освітніх програм з медіаграмотності та громадянської культури мультикультурного суспільства.

*Дмитро Бочаров,
кандидат юридичних наук (м. Дніпропетровськ)*

ПРО КОРИСТЬ НАСМІШКИ В ЦАРИНІ РЕЛІГІЇ

Якщо хто скаже мені, що насміхатися з сакрального, священного неприпустимо – я лише зітну плечима. Інколи саме насмішка здатна розповісти про найважливіше.

Переїнявшись (із подачі Дмитра Вовка) колись ідеєю (ніде правди діти – аж ніяк не оригінальною) дослідження «юридичних» аспектів суду над «Ісусом

Назореем» (чи «Назарянином» – як кому більше до вподоби; тут різниця не має принципового значення) як парадигми «людського», «земного» правосуддя, і витративши на те все чимало часу, я зрештою дійшов до висновків, які вже багаторазово оприлюднювалися й до мене (що й не дивно); але головна прикрість полягала в тім, що й аргументи мої були всуціль заяложені... Якби не оці насмішки.

За писаннями, довідавшись, що Ісус родом із Галілеї, Пілат направляє його до Ірода, а той «поставивши багато питань», повертає його Пілатові, убравши в білосніжні шати. Євангелісти й богослови трактують це як знак безневинності Ісуса, засвідченої самим Іродом, але... не забуваймо, кому мав дати відповідь Ірод. У римській традиції претендент на високу державну посаду вбирався в білу тогу й іменувався «кандидус» – «чистий, непорочний». Підкреслена білим убранням «чистота» у цьому випадку засвідчувала чесноти претендента («кандидата») на високу посаду й обґрунтованість його претензій. Інакше кажучи, «серйозність» його кар'єрних устремлінь. Ірод, убравши Ісуса в яснобілі шати, повідомляє Пілатові, що розглянутий випадок є очевидною претензією «на престол (царство) Іудейський», і належить до компетенції претора (прокуратора). Бо тут – образа величності, а це вже не жарти на кшталт суперечки про батьківство (хай навіть батьківство єврейського бога). Але «Ідумейський лис» робить це тонко, напівжартома, водночас ніби висміюючи претензії Ісуса, залишаючи Пілатові можливість чинити на власний розсуд. І це дуже достовірна психологічна деталь, що відрізняє підхід досвідченого політика Ірода від підходу представників Санхедрину: «якщо не зробиш цього, то ти не друг кесарю». Шкода, що на неї дотепер не зверталось належної уваги. Натомість загартований у політичних інтригах Пілат вищий пілотаж Іродової дипломатії оцінив належно: «і того дня стали Ірод із Пілатом за приятелів між собою, бо давніш ворожнеча між ними була» (Лк., 23:12).

Інша варта уваги насмішка – результат нічного малого Санхедрину, що був скликаний для розгляду «справи Ісуса». Одним із питань, яке донині лишається нерозв'язаним і викликає суперечки істориків, богословів і навіть юристів, є питання стосовно того, що саме інкримінувалося Ісусові на тому нічному засіданні, яке нібито скінчилося визнанням його вини. По завершенню

засідання, як стверджують, Ісуса били, обпльовували й штовхали, знущально звертаючись до нього з пропозицією: «проріки, хто це зробив?». Усе це недвозначно вказує, що його було визнано лжепророком, адже «знущання» як інверсія того «діла», в якому визнано винним обвинуваченого, часто було частиною покарання (згадаймо знущальні маніпуляції римлян із терновим «вінцем» і «багряницею» під час бичування). Можливо, хтось із тих численних свідків, про яких згадують євангелісти, дійсно стверджував, що Ісус закликав зруйнувати Храм, але таких вочевидь було небагато та й свідчення їх не були згодженими, бо були визнані недостатніми. А ось те саме формулювання, на якому наполягав Ісус, що впаде храм і на його місці за три дні постане новий, цілком могло розглядатись як лжепророцтво. Та й засвідчення свого богосинівства Ісусом було зроблене в формі пророцтва, яке цілком могло викликати обурення в ортодоксальних іудеїв («відтепер ви побачите Людського Сина, що сидітиме праворуч сили Божої, і на хмарах небесних приходитиме!») (Мт., 26:64). Але все це – вже з царини припущень. Не підлягає сумнівові й не оспорюється лише те, що «люди, які ув'язнили Ісуса, знущалися з нього та били. І, закривши його, вони били його по обличчі, і питали його, приговорюючи: пророкуй, хто то вдарив тебе?» (Лк., 22:63-64).

Не слід недооцінювати конструктивну роль насмішки. Цілком можливо, наші нащадки колись матимуть змогу довідатись про гідні пошани діяння служителів православної церкви в Карелії лише з опусу Максима Єфімова «Карелія втомилась від попів», за яку щодо автора було порушено кримінальну справу, призначено примусову психіатричну експертизу й врешті-решт кощунника піддано остракізму. Усяко буває.

Утім, аж занадто покладатись на насмішку принаймні нерозважливо. Тож я все чекаю, коли мені на очі потрапить те, що я отут-от написав, але написане кимось іншим та ще й задовго до мене. А що так і буде – не маю жодного сумніву.

*Євген Бурлай,
кандидат юридичних наук (м. Київ)*

ПОВТОР МОЖЛИВИЙ, АЛЕ ХАЙ МОЖЛИВІСТЬ НЕ ПЕРЕТВОРИТЬСЯ НА ДІЙСНІСТЬ

Розстріл французьких карикатуристів – сумна подія, що викликала різку емоційну реакцію в багатьох країнах світу, спалах дискусій, які найвірогідніше нічим не завершаться, а також, крім усього іншого, – думку про наявність *достатніх передумов* для повтору такого роду подій, особливо в Європі – царині політичного лібералізму.

Дійсно, різнопланові чинники збігаються у такий спосіб, що не дозволяє думати про те, що сталося, як про випадковість. Почати, наприклад, з *соціальних передумов* – насамперед, з фактору неабиякої строкатості теперішнього європейського простору в етнічному та культурологічному плані. Дійсно, оскільки демографічна ситуація в старій Європі зумовила масове вкорінення на її теренах представників інших цивілізацій і культур, вона повинна бути готова до того, що остаточно до європейських цінностей вони не адаптуються, а прагнуть зберегти, а, можливо, – й зміцнити власну культурну ідентичність на новому ґрунті, з релігійною складовою включно. Згадаймо у цьому контексті також нерівномірність статків, а взагалі – відносну непевність соціального статусу і друго-, а частіше – третьорозрядні ролі, які доводиться виконувати іммігрантами та їх нащадкам в країнах-реципієнтах.

У цьому ряду також – *соціально-психологічні передумови* з характерним для них «синдромом прибульця», тобто специфічним (неорганічним) сприйняттям новоутвореними спільнотами культурних стандартів аборигенів і одночасно вимушеною або ідейною вірністю власному культурно-етнічному коду. Звідси – алгоритми «анклавного» співіснування різних соціокультурних груп і дуже повільний процес їх адаптації на чужинному ґрунті.

Суттєве місце в ряду передумов, що аналізуються, займають власне *релігійні передумови*. За загальним правилом навіть помірковані релігійні течії завжди мають певну кількість палких прихильників, здатних різко реагувати на

приниження в той чи інший спосіб символів або характерних проявів віри. В принципі це здорова реакція чесно віруючої людини, адже будь-хто негативно сприймає приниження того, у що вона вірить, це одна з найбільш болісних образ і, як наслідок, – потужне джерело конфліктності з небезпечним часовим резонансом. Треба належним чином усвідомлювати, що Бог (і все з ним пов'язане) як об'єкт активної віри – це святе, сокровенне; зневажити Бога й божественне – гірше, ніж зневажити людину, що у нього вірить.

Додамо до цього *передумови політичні*. Узагальнення ризиковані, але є підстави припустити, що на теренах Європи мало політиків будуть ставити питання про стриманість ліберальної течії у ситуаціях, коли публічне висвітлення певних релігійних символів наближається до ризикованих форм. Навряд чи за нинішніх ультраліберальних (у певних аспектах) умов хтось з політиків схоче показати себе ретроградом (за виключенням ситуацій зміни трендів і зростання моди на релігійність – тоді акценти в політичних промовах і дебатах можуть змінитися). Відповідно не варто очікувати й якихось особливих новацій в питаннях державного управління у даній сфері.

Наостанок – про *передумови правові*. Людські права і свободи як одна з підвалин політичного лібералізму – благо, але необмеженість в розумінні (тим більше в належному нормативному визначенні) їх змісту здатна перетворити благо на зло. *Co nadmierne – to nie jest zdrowe*. Суспільство, у якому проголошено широкі права для громадян, має бути готове до алогізмів у їх реалізації, коли позитивний потенціал гарантованого права у певному аспекті чи обов'язі перероджується; це справедливо і для суспільств зі сталими політико-правовими традиціями. Розстріл на релігійному ґрунті групи журналістів – свідчення цьому. Може, такої конкретної трагедії не трапилося б за умов законодавчого обмеження у зневажливому публічному зображенні певних сакральних речей. Такі обмеження були б цілком вірогідним об'єктом *абстрактної* ліберальної критики, однак, я думаю, сприймалася б стримано на фоні зменшеної ймовірності загибелі *конкретних* людей на цьому ґрунті. Подібно до цього *абстрактну* ліберальну критику могло б викликати законодавче обмеження масового доступу до вогнепальної зброї (там, де право такого доступу гарантовано). Однак цю критику можна було б пережити,

спостерігаючи зменшення випадків втрати *конкретних* людських життів в результаті того, що зброя попала до рук невротичних або психологічно невірноважених суб'єктів.

Тут згадано далеко не про всі передумови того, що трагічні ситуації (які, на перший погляд – парадоксально, а насправді – логічно супроводжують процес реалізації невід'ємних людських прав в конкретних соціальних умовах) можуть мати місце знов і знов. Передумови, щоправда, – не фатальність, можна завжди сподіватись на таку комбінацію обставин, яка виключить найтяжче і непоправне. Але краще, якщо сподівання будуть тверезими і матимуть в основі не тільки плекання надії (віру в щасливий випадок), а й необхідні кроки по формуванню таких обставин.

*Наталія Варламова,
кандидат юридических наук (г. Москва, РФ)*

СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ И СВОБОДА СОВЕСТИ В СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Дискуссия о соотношении свободы слова и прав верующих в светском государстве, активизировавшаяся после трагедии в редакции Charlie Hebdo, была не слишком плодотворной, как представляется, не только вследствие непримиримости противоположных позиций, но и из-за смешения различных контекстов обсуждения.

Обеспечение свободы слова (свободы творчества, свободы самовыражения, свободы выражения мнений) и ее пределов – проблема юридическая и ей корреспондирует проблема обеспечения свободы вероисповедания (в светском государстве и обществе точнее сказать – свободы совести) и ее пределов. Уважение чувств верующих – проблема нравственная.

Сначала о юридическом контексте дискуссии. Обе свободы (выражения и совести) абсолютны (в том смысле, что им корреспондируют обязанности

неограниченного круга неперсонифицированных лиц) и не безусловны (в том смысле, что подлежат ограничениям в целях обеспечения прав других лиц, в том числе и самих этих свобод). И обе они самоценны и равноценны.

В светском государстве абсолютно неприемлемо исходить из того, что религиозные убеждения (вера) более значимы, чем любые другие (моральные, политические, эстетические, атеистические и т.п.), и в силу этого требуют особой защиты по сравнению с ними. Столь же недопустимо требование разного уровня защиты различных религиозных убеждений в зависимости от силы эмоциональной реакции их приверженцев на те или иные действия, не совместимые с ними.

Самоценность указанных свобод заключается в том, что они есть проявление собственно свободы человека, его свободного выбора, и подлежат защите независимо от каких-либо оценок содержания соответствующих верований, убеждений, мнений, высказываний. Увязывание защиты свободы слова с тем, что распространяемые сообщения (мнения, образы и т.п.) информативны, имеют некий «общественный посыл», способствуют обсуждению «места религии в обществе, правильности или неправильности религиозных предписаний, проблем религиозного экстремизма и способов его преодоления» (статья Д. Вовк и Е. Уваровой) абсолютно недопустимо, равно как и предоставление разной защиты различным религиозным убеждениям в зависимости от их «социальной полезности». Это очень напоминает установления советских конституций, когда свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, а также право объединения в общественные организации обеспечивались гражданам «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя» (статьи 125, 126 Конституции СССР 1936 г) или предоставлялись «в соответствии с интересами народа, в целях укрепления и развития социалистического строя и коммунистического строительства» (статьи 47, 50, 51 Конституция СССР 1977 г.).

В таком контексте реализация свободы слова (свободы выражения) не должна препятствовать реализации свободы вероисповедания (свободы совести). Светское государство должно гарантировать верующим возможность

отправления их религиозных обрядов, неприкосновенность их культовых мест, святынь (в материальном смысле, а не соответствующих образов – Христа, Пророка), защиту от принуждения к совершению действий, противоречащих их убеждениям. Но государство не может и не должно требовать от лиц, не придерживающихся соответствующих убеждений, воздерживаться от действий, идущих с ними вразрез. Публикация карикатур в Charlie Hebdo никак не нарушает свободу вероисповедания мусульман. Верующих никто не заставлял на них смотреть, карикатуры не распространяли в мечете и т.п. Одновременно возможность выпускать такие карикатуры как элемент светской культуры, достижение западной цивилизации, традиция французской журналистики, самовыражение художников, наконец, заслуживает в светском государстве не меньшей защиты, чем свобода вероисповедания мусульман. А вот панк-молебен Pussy Riot в храме Христа Спасителя выходит за пределы допустимой свободы творчества и политической активности, представляя собой поспраие православных святынь, ибо храм не место для подобных действий. (Другое дело, что наказание девушкам было явно несоразмерно.)

В целом, мне представляется, что использование государственных средств воздействия должно быть направлено в большей мере на «принуждение к толерантности», а не на запреты действий, вызывающих неприятие тех или иных групп населения. В частности, запрет на ношение мусульманских платков в российских государственных школах не кажется мне оправданным. Такое выражение религиозной принадлежности никак не нарушает права других детей. Но тогда необходимо в целом отказаться от школьной формы и вообще любых «дрескодов», чтобы дети равным образом могли выражать свою принадлежность к мусульманам, христианам, иудеям, а также культурам эмо, готов (или кто там у них теперь), да и просто свои эстетические пристрастия.

Уважение чувств верующих – проблема нравственная. Никакими правовыми запретами его не обеспечишь. Причем чем таких запретов будет становиться больше, тем подлинного уважения к чувствам верующих будет все меньше. И опять-таки не следует противопоставлять чувства верующих и неверующих, равно как и чувства верующих разных конфессий в силу того, что «религии и религиозные общины не одинаковы. Одно и то же действие может

вызывать разные эмоции и реакции у представителей различных верований» и «карикатуры на Мухаммеда или Аллаха объективно [? – Н. В.] задевают мусульманина гораздо сильнее, чем христианина» карикатуры на Иисуса (статья Д. Вовк и Е. Уваровой).

У верующих одной конфессии, религиозные чувства тоже, кстати, могут быть весьма различны. Карикатуры на Мухаммеда или Аллаха вызывают активное неприятие подавляющего большинства мусульман, но убивать за это решили единицы. Дьякон Андрей Кураев весьма позитивно отзывается о произведениях про Гарри Поттера, а одна моя коллега, человек серьезным образом воцерковленный, вместе со своим сыном-школьником торжественно сжигала эти книги во дворе своего дома, так они оскорбляли ее религиозные чувства. Может быть, запретить их выпуск? Или забрать у нее ребенка, поскольку она воспитывает его «в экстремистском духе»? У нас церковные иерархи заявляют с телевизионного экрана, что любой неверующий человек по определению аморален. Это не оскорбление чувств неверующих?

Проблема уважения чувств верующих (и неверующих) решается на межличностном уровне, и правовое принуждение к толерантности, на мой взгляд, очень этому способствует.

А в целом жизнь верующего человека в светском государстве и особенно в светском обществе всегда сопряжена с большими сложностями, духовными терзаниями и компромиссами: иудеи не могут должным образом соблюдать субботу, для православных в разгар поста – Новый год, для мусульман – море соблазнов в виде алкоголя и женщин с непокрытой головой. Вера всегда предполагает ограничения и чтобы их соблюдать строго, надо уходить из мира, или, по меньшей мере, уезжать из светского общества. Впрочем, с такими же проблемами сталкивается любой человек, придерживающийся убеждений, моральных принципов, стиля жизни и т.п., не разделяемых большинством общества. Но он сам избрал для себя этот путь, реализовав таким образом свою свободу совести и самовыражения.

*Костянтин Горобець,
кандидат юридичних наук (м. Одеса)*

«ШАРЛІ ЕБДО», ТОЛЕРАНТНІСТЬ І «БОЛЬОВИЙ ПОРІГ» СУСПІЛЬСТВА: ДЕЯКІ ПРАВОВІ МАРКЕРИ

Терористичний акт у Парижі, який сколихнув увесь Західний світ 7 січня 2015 р. породив чималу хвилю дискусій та обговорень. Чи можна говорити про «вину» карикатуристів, за яку їх було «покарано»? Чи можуть релігійні погляди бути виправданнями для масових убивств? Наскільки провокативною може дозволити собі бути преса у суспільстві, яке внаслідок активної міграції стало наелектризованим? Ці та багато інших сюжетів для публічних дебатів прокотилися світом, актуалізуючи велетенський пласт політико-правових проблем сучасності. Але якщо політичний аспект цієї трагічної події є очевидним та помітним неозброєним оком (достатньо лишень звернути увагу на швидкість, з якою європейські ліві й праві почали експлуатувати його), то правові проблеми допоки залишилися у тіні.

Ідеться тут не про правові засоби обмеження свободи слова та друку, і навіть не про міграційне законодавство і діаспоральну політику європейських держав, зокрема, Франції. Проблема, яку поставив перед юриспруденцією паризький теракт, є значно глибшою. Це проблема того, чи є та чи може взагалі толерантність бути правовою цінністю, і чи може право бути інструментом, за допомогою якого можна створити умови для її інституціоналізації?

Та права структура, яка сформувалася під впливом потужної гуманістичної традиції на європейському континенті за останні кількасот років, як видається, немислима без апеляції до певного набору цінностей, які зумовлюють самостійність права у складній соціальній системі. Питання про те, чи несе в собі право певний унікальний набір цінностей, які не можуть отримати змістовне вираження за межами правової системи, є, по суті, тотожним питанню про існування самого права. Відтак, незважаючи на все різноманіття існуючих правових систем та культур, їх несхожість, часто навіть принципову непорівнюваність, право ніколи не може бути ціннісно

нейтральним. Однак при цьому помітними стають тенденції до розмивання змісту цих цінностей під впливом «зіткнення» цивілізацій і все більш активної втрати державою монополії на право.

Одна з цінностей, яка традиційно асоціюється з європейським стилем правового мислення – толерантність. На дисертаційному і монографічному рівні у вітчизняній юриспруденції уже здійснювалися спроби обґрунтувати ідею, відповідно до якої толерантність є не просто цінністю, якій *надано* правового значення, а цінністю, яка є правовою за своїм змістом¹. Незважаючи на те, що ця теза є доволі суперечливою, варто усе ж зазначити, що активне шанобливе ставлення до несхожого, чужого, інакшого є, безперечно, продовженням ідеї рівності (адже для того, щоб поважати іншого, треба сприймати його як рівного собі). У цьому сенсі ідея толерантності дійсно має яскраво виражене правове забарвлення, адже що, як не право, може і має забезпечувати рівність?

Однак трагедія «Шарлі Ебдо» показала, що толерантне й шанобливе ставлення у правовій площині може отримувати форму монологу, і далеко не кожного разу стає діалогом. Толерантне ставлення до ісламу та мусульман, яке виражене, зокрема, в тому, що європейські держави і їх спільнота докладають суттєвих зусилля задля забезпечення недискримінаційних умов, не зустріло своє підтримки з іншого боку. Ідеться, передусім, про те, що іронія, самоіронія та інтелектуальна провокація є однією з форм європейської філософії. Філософія самоіронії, в якій ставляться під сумнів найбільш фундаментальні аспекти соціальної системи, є тим інтелектуальним простором, в якому живе, у тому числі Франція, протягом багатьох десятиліть. Іронічне і часто зневажливе ставлення європейців до самих себе, до свого життя, самовисміювання є важливими складовими їх культурного життя.

У цьому сенсі культурна традиція вступає у контрверзію із правовими ідеями толерантності. Але проблема полягає у тому, що право не в змозі

¹ Тарасішина О.М. Справедливість і толерантність у сучасному праві України : автореф. дис. ... канд. наук : 12.00.01 – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень / Тарасішина О.М. – О., 2008. – 19 с.; Галицький І. Толерантність у правовому житті сучасної України : моногр. / Ігор Галицький. – О. : Фенікс, 2012. – 144 с.

запропонувати механізм визначення толерантного чи нетолерантного ставлення, так само як справедливість – ціннісне ядро права – не може бути визначена та встановлена за допомогою винятково правових засобів. Толерантність є тією шкалою, за якою визначається «больовий поріг» суспільства, прийнятна межа, яка є допустимою в соціальних комунікаціях. Очевидно, ця межа лежить далеко за межами правового поля. Але не за межами толерантності.

В аналітиці та колумністиці, присвяченій паризькому теракту, справедливо вказується на те, що він став результатом недооцінки того низького «больового порогу», яким характеризуються носії культури ісламу. Якщо для європейця карикатурне зображення навіть найсвятішого є нормою, то для мусульман це блюзнірство. Зокрема, відома збірка карикатуриста Ж. Еффеля «Створення світу» була цілком зважено та спокійно прийнята не лише набожними християнами, але й самою католицькою церквою¹.

З точки зору права трагедія «Шарлі Ебдо» поставила це питання таким чином: чи можна використовувати право задля фіксації прийнятного рівня «больового порогу»? Але насправді проблема в глибинному конфлікті за лінією «свобода-толерантність». Класичні філософсько-правові сюжети, які, починаючи з XVIII століття, розгортались довкола протистояння «свобода-справедливість» сьогодні ідуть в минуле, відкриваючи шлях новим концептуальним конфронтаціям.

Як видається, протистояння «свобода-толерантність» не може вирішуватися за допомогою тих самих аргументів, які є прийнятними для дилеми «свобода-справедливість». Тому навряд можна сприйняти заклики багатьох журналістів та аналітиків щодо необхідності обмеження свободи слова задля попередження подібних конфліктів, мовляв, краще не провокувати. Тут має використовуватися якісно інший підхід, оскільки за наявності навіть найбільш гнучких та ефективних юридичних інструментів навряд вони є абсолютно релевантними проблемам толерантності. Це відкриває цілий пласт методологічних проблем також. Якщо протистояння за лінією «свобода-

¹ Вовк Д. Свобода слова і релігія – не перейти межу [Електронний ресурс] / Дмитро Вовк, Олена Уварова. – Режим доступу : <http://www.eurointegration.com.ua/experts/2015/01/9/7029468/>.

справедливість» часто вирішувалося за допомогою діалектики (Г. Гегель) чи прагматичного підходу (наприклад, А. де Токвіль), то протистояння «свобода-толерантність» вимагає кардинально іншої картини світосприйняття, яку юристи виявилися неготовими запропонувати ані до, ані після теракту.

Паризький теракт, будучи далеко не першим (і, нажаль, не останнім) терактом на релігійному ґрунті, показав, що європейські уявлення про толерантність та про межі свободи у праві часто є не просто розбіжними, а несумісними із уявленнями неєвропейців. Як має реагувати на це юриспруденція? Чи повинні ми відмовитися від власних традицій лише з тим, аби не провокувати «сусіда»? Думається, такий крок був би кроком до виправдання масових убивств у редакції «Шарлі Ебдо». А отже – відмовою від багатовікової лінії гуманістичного розвитку права.

*Оксана Довгополова,
доктор філософських наук (м. Одеса)*

SOLIDARITÉ

2015 рік почався для Європи з викликів. Францію, яка ще бачила уві сні новорічні феєрверки, сколихнули вбивства в редакції «Шарлі» та в кошерному супермаркеті. А в той момент, коли нам здалося, що ми вже можемо почати рефлексувати щодо трагедії в Парижі, здригнулася й Данія. Ми всі на порозі. На порозі чого? Зараз можна тільки спробувати зрозуміти власні почуття, для висновків зарано.

Для автора цих рядків день 7 січня 2015 виявився своєрідною точкою неповернення. Мабуть, з якихось суто естетичних причин я ніколи не відчувала захоплення від епатажу, провокації, глузування. Революційність я вбачала в чомусь іншому. Штатівська політкоректність завжди здавалася мені зручним та корисним винаходом – так, треба створювати умови, в яких людина відчувається нормально, де поважати свою та чужу гідність – це нормально. 7

січня я відчула прозору впевненість – якщо б я була видавцем, моя газета завтра вийшла б з карикатурами Шарлі.

Звістка про події прийшла до мене словом SOLIDARITÉ на фейсбучних сторінках знайомих французьких журналістів. «Треба йти!», «Виходимо!» Таки саме записи з'являлися на сторінках українців в грудні 2013. Незрозуміло ще, навіщо ми йдемо, що з цього вийде, але неможна не йти. Саме це відчуття прокотилося по статусах парижан у Facebook, які зі скорботною серйозністю інформували всіх, де саме ми збираємось. Тих самих, які весь 2014 говорили нам, що Європа зі здивуванням розглядає Україну, бо сама вже не може уявити, що люди здатні відстоювати свої ідеали, підставлятися під небезпеку.

Саме завдяки входженню в ситуацію не через повідомлення в ЗМІ, а через біль та розпач живих людей, моє відношення до січневих подій від початку було якимось не теоретичним. В той момент, коли ми ламали списи, з'ясовуючи, на захист чого вони вийшли («вони захищають свободу слова – а чи цікаве їм життя вбитих?») – хто з нас не читав погонні метри подібних одкровень?), французи йшли по вечірніх вулицях, тримаючи в руках оливці та плакатники, роздруковані на принтері.

Атаку було здійснено насправді на найголовнішу цінність європейського суспільства. Але це не свобода слова. Це людське життя. Напади на редакції, карикатурні скандали – все це не новина для європейських країн. Все це вже було. І викликало серйозну реакцію. У пресі. Де розгорталися відчайдушні дискусії про границі свободи слова, про демократії, цензуру тощо. Це все було дуже галасливо, не завжди емоційно виважено та естетично прийнятне. Але зараз, 7 січня, все було інакше. Люди йшли на вулиці, охоплені болем та жахом, а крім цього – бажанням опинитися поряд з іншими людьми, що не згодні жити в світі, де можна вбити людей, що малюють якісь картинки, та людей, що просто прийшли до кошерного супермаркету. Проблема жодним чином не обмежувалася тільки захистом якогось принципу, навіть такого важливого, як свобода слова.

Життя, свобода, солідарність. В цих словах був біль Франції, на якій відгукнулася вся Європа, і ми це бачили. Не буду відволікатися тут на порівняння французької ситуації з датською. Всі ми розуміємо, що французька

республіканська культура формувалася саме в жорсткому протистоянні інституту Церкви, а в скандинавських країнах існує своєрідна «громадянська релігія», що дозволяє домовлятися в складних ситуаціях. Хотілося б протиставляти не різні країни Європи, а дві картини світу.

В першій життя людини є найвищою цінністю. Томас Гоббс серед базових потреб людини назвав безпеку, а бажання людини зберегти своє життя бачив як виправдання опору державі. Всі інші принципи формуються саме для того, щоб людина відчувала себе безпечно – свобода слова стоїть на забезпеченні цієї базової потреби.

В іншій картині світу заради принципу можна вбивати. Те, що над нами, настільки сильно та цінно, що заради цього можна позбавити життя когось, хто не визнає наших цінностей. Так, можна при цьому загинути самому, але й вбити іншого. Помста за неповагу до ідеалу – ось головний мотив.

Справа не в свободі слова. Справа в житті. Саме навкруг цієї базової цінності формується сутність Європи – єдність в багатобарвності. Ми можемо скільки завгодно бути скептиками та цитувати слова Ангели Меркель про крах політики мультикультуралізму. Це проблема конкретного політичного курсу. Європа формується на ідеї цінності життя. Ми надто довго жили в радянській настанові, де принцип є значно вищий за життя. Це може зіпсувати нашу оптику.

*Александр Евсеев,
кандидат юридических наук,
Анна Сохикян,
(г. Харьков)*

БОРЬБА С «ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ НЕНАВИСТИ» ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США

Трагические события, произошедшие 7 января 2015 г. в редакции французского еженедельника «Charlie Hebdo», вновь разожгли огонь давней полемики о веротерпимости и границах свободы слова в демократическом

обществе. Подавляющее большинство изданий во всем мире скорбели вместе с их французскими коллегами, сетуя на беззащитность западной цивилизации перед лицом исламских фундаменталистов. Миллионы людей, не имевшие доселе никакого отношения к журнальному делу, изменили свои аватарки в социальных сетях на слоган «Je suis Charlie» («Я – Шарли»), ставший общеевропейским лозунгом защитников свободы слова. Тем удивительнее на таком фоне выглядела позиция американских публицистов, прозвучавшая определенным диссонансом в общем потоке скорби.

В этом отношении показательной является статья обозревателя Д. Брукса «I'm not Charlie Hebdo» («Я не Чарли Эбдо»), опубликованная в газете «Нью-Йорк Таймс». В ней автор, отдавая дань практике политкорректности, ставшей закономерным результатом многолетней борьбы расово-этнических и прочих меньшинств за свои права, утверждает, что если бы карикатуры на пророка Мухаммеда, подобные тем, которые были опубликованы во французском еженедельнике, увидели бы свет в США не то что на общенациональном уровне, а просто в университетской газете, то не прошло бы и тридцати секунд, как их создатели были бы обвинены самими студентами в разжигании межнациональной розни, а администрация вуза сократила бы финансирование такого издания до минимума, а со временем, не исключено, и вовсе избавилась от него¹. Подобного рода оценка особенно примечательна в устах американского журналиста, где, казалось бы, любые, даже самые раскованные формы самовыражения находятся под сенью правовых гарантий Первой поправки к Конституции. Все это говорит о том, что несмотря на формальное отсутствие в американском праве какой-либо ответственности за пропаганду ненависти *per se*, тем не менее структуры гражданского общества этой страны «отбраковывают», во многом интуитивно, те воззрения, которые считаются несовместимыми с демократическими ценностями и американскими «привычками души».

Сказанное в определенной степени и до известных пределов справедливо и по отношению к Франции. У известного философа Жака Дерриды есть меткая

¹ Попутно заметим, что в 1970 г. предшественник «Charlie Hebdo» журнал «Харакири» был закрыт после грубой шутки о смерти бывшего президента Франции Ш. де Голля.

мысль о том, что демократические общества остаются таковыми до тех пор, пока они основываются на принципе «толерантного сосуществования». Иными словами, до тех пор, пока «чувство гостеприимства» (*le sens de l'hospitalité*) основано не просто на определении «другого» (по расовому, этническому, религиозному или какому-либо иному принципу), а на признании «другого» абсолютно и во всем равным «своим». Деррида напоминал, что несмотря на многочисленные различия, все люди – прежде всего члены одного общества, а значит должны иметь равные права и обязанности перед этим обществом. Не сложно заметить, что сугубо американская трактовка политкорректности уже начинает проникать в духовную ткань европейского образа жизни, что, в свою очередь, делает особенно привлекательным изучение тех уголовно-правовых средств, с помощью которых в США был достигнут столь высокий уровень национальной терпимости.

Сразу оговоримся, что согласно решению Верховного Суда США по делу *Wisconsin v. Mitchell* (1993) уголовное преследование за преступления, совершенные на почве расовой, религиозной и иной ненависти (так называемые «преступления ненависти» или «hate crimes»), не противоречит конституционным свободам слова и выражения мнения. Более того, данная категория преступлений считается там одной из наиболее опасных. Как справедливо отмечалось в докладе Американской психологической ассоциации, «преступления ненависти» – это «преступления послания». Они отличаются от иных преступлений тем, что «преступник обращается с посланием к членам определенной группы о том, что их присутствие нежелательно».

По подсчетам американских криминологов (Д. Грин и другие) каждый час в США кто-либо совершает преступления ненависти, а каждый день восемь чернокожих, трое белых, трое гомосексуалистов, трое евреев и один латиноамериканец становятся жертвами подобных преступлений. И хотя если в 2004 г. таких инцидентов было зарегистрировано 7649, а в прошлом – менее 6000, что, в свою очередь, отражает общую тенденцию снижения уровня преступности в США, наметившуюся еще при Клинтоне, тем не менее общественная опасность этих деяний сохраняется.

По данным исследователей типичный преступник такого рода – малообразованный и часто безработный молодой человек, нередко находящийся под влиянием алкоголя и/или наркотиков, в прошлом имевший проблемы с законом. Однако такого рода люди считают себя носителями некоей высшей идеи – в 90-95 % случаев одиночка, совершивший преступление ненависти, имел определенный опыт идеологической обработки.

К общественным формированиям, чьи представители чаще всего совершают подобного рода преступления, в США относят следующие референтные группы: неонацистов, скинхедов, «черных пантер», ку-клукс-клановцев, растерявших, правда, былое влияние, некоторых других. Причем при квалификации того или иного деяния как преступления ненависти широко применяется аналогия. Скажем, в 21 штате таковыми считаются также преступления против инвалидов и психически больных людей, в 22 штатах – преступления, совершенные против лиц, обладающих нетрадиционной сексуальной ориентацией, а еще в 3 штатах и федеральном округе Колумбия к преступлениям ненависти относят преступления, совершенные по политическим мотивам, например, избивание человека, поддерживающего иную политическую партию.

В случае совершения данных деяний виновный может быть приговорен к следующим наказаниям: тюремное заключение; штраф до 5000 дол.; возмещение ущерба жертве, включая медицинские и консультационные расходы; обязательное посещение курсов по межличностным отношениям; психологическая принудительная консультация; дополнительный штраф для некоммерческих субъектов; общественные работы сроком до 400 часов. Добавим к сказанному, что столь широкий «веер» наказаний, используемый в уголовном праве США только по отношению к одной категории преступлений, наглядно иллюстрирует ту мысль, что наряду с репрессивным правосудием (тюремное заключение, штраф) должно существовать некое правосудие восстановительное, правосудие как ценность, имеющее высшую силу над правосудием формальным. При этом в нем культивируется - в отличие от обычно возлагаемой на человека за правонарушение пассивной ответственности – активная ответственность, что есть не просто претерпевание

за правонарушение каких-либо неблагоприятных последствий, но активное участие правонарушителя в восстановлении нарушенного правового мира.

*Дмитрий Лукьянов,
кандидат юридических наук (г. Харьков)*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ СЛОВА В ИСЛАМЕ

Исламская концепция свободы мысли и выражения мнения имеет существенные отличия от европейской концепции, что вызывает непонимание и конфронтацию между представителями соответствующих культур.

В Исламе концепция прав человека строится на убежденности в том, что только Всевышний является автором закона и источником всех прав человека. Права человека, дарованные Аллахом, не могут в силу своего божественного происхождения быть сокращены или упразднены государством, обществом, либо отдельными людьми. Никто не имеет права видоизменять их по своему усмотрению.

Свобода мысли и слова рассматриваются как одни из фундаментальных прав мусульманина. Ислам рассматривает человека как существо наделенное Всевышним интеллектом, который необходим ему, что бы искать истину. Свободомыслие и свобода слова являются необходимыми инструментами на этом пути. С этой точки зрения совершенно не правильным является взгляд, что ислам это религия антагонистичная познанию, науке, дискуссиям и искусству. Достижения исламской науки в математике, астрономии, медицине и других сферах, в том числе заложили фундамент современной европейской и мировой науки. Допустимость разных взглядов признается даже в вопросах теологии и шариата, следствием чего является деление на суннитов и шиитов, а также на многочисленные мазхабы.

Вместе с тем считается, что с учетом ограниченных способностей человека, Аллах сам изложил некоторые истины, самостоятельное познание

которых находится, на взгляд ислама, за пределами человеческого разума и мышления. Эти догматы изложены в Коране и Сунне и являются предметом веры, а не предметом субъективной оценки человека.

Соответственно для правомерного мусульманина вопросы определенные в шариате как запретные не нуждаются в рациональном осмыслении и доказывании. Вместе с тем исламская теология на уровне доктрины старается объяснить существующие запреты. В исламе выдвигается требование к человеку использовать свободу слова и мысли там, где это приносит пользу самому человеку. А там, где эти свободы наносят вред человеку, вступает в силу запрет.

С точки зрения правовых последствий все поступки мусульманина можно разделить на пять категорий: обязательные, рекомендуемые или одобряемые, дозволенные или нейтральные, порицаемые и запрещенные.

Изображение живых существ (в виде рисованных изображений или скульптур) относится к запрещенным действиям, которые являются одним из 76 больших грехов в исламе. Этот запрет не содержится в прямой форме в Коране, а выводится из хадисов Пророка. Так в сборнике хадисов аль-Бухари сообщается, что как-то раз к Абуллаху бин Аббасу пришел один человек и сказал: «О, Абу Аббас поистине – я человек, и я зарабатываю на жизнь своими руками, делая эти изображения». Ибн Аббас сказал: «Я скажу тебе, что сам слышал от Посланника Аллаха, а он сказал». Тому, кто создал какое-либо изображение того, в чем есть живой дух, Аллах станет подвергать мучениям, пока он не вдохнет в него дух, а он не сможет сделать этого никогда». Услышав эти слова, человек глубоко опечалился. Тогда Ибн Аббас сказал ему: «Горе тебе, если ты уже этим занимаешься, но уж если и дальше хочешь заниматься этим, то тебе следует рисовать деревья и все то, в чем нет духа».

Исламская теология объясняет происхождение данной нормы запретом на уподобление Аллаху, создавшему все сущее, а так же запретом на поклонение идолам и другим Богам, которые практически всегда имели определенный художественный внешний образ. Позднее в некоторых странах, преимущественно в среде шиитов, запрет на изображение человека и животных

перестал быть строгим. Неоднозначное толкование данных норм существует в настоящее время в отношении фотографических изображений живых существ.

Аналогичная ситуация существует и в отношении изображения Пророка Мухаммеда. Для большинства мусульман такой запрет абсолютен: изображения Мухаммеда и всех остальных пророков в исламе, безусловно запрещены и считаются идолопоклонством. Пророк Мухаммед и все остальные пророки рассматриваются как безупречные и безгреховные фигуры, и поэтому не могут подвергаться никакому художественному осмыслению, особенно, если оно может привести к неуважению или к оскорблению пророка.

Важным элементом понимания гневной реакции мусульман на карикатуры Пророка является понимание роли и ограничений в исламском юморе. Ислам приветствует, когда верующий доставляет радость другим людям используя для этого юмор и шутку, но при этом нельзя выходить за границы, определенные Всевышним – шутка должна быть правдивой; нельзя ради шутки выдумывать небывлицы или пугать другого человека; не следует шутить со старшим по возрасту, с учителями, учеными, руководством, с непонимающим шуток, незнакомым между собой мужчинам и женщинам; шутка должна быть умной, адекватной ситуации, понятной окружающим, не обидной, не унижающей достоинство человека или его семьи; нельзя шутить на запрещенные темы, рассказывать пошлые истории, разглашать интимные подробности, использовать хулу и клевету.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что карикатуры на Пророка Мухаммеда нарушили множество запретов, существующих в исламе, и затронули глубинные и важные для верующих чувства. Характер и степень негативной реакции мусульман на данную ситуацию так же объясняется положениями ислама. С точки зрения ислама, он обязывает человека защищать свои убеждения и использовать, если это необходимо, силу оружия.

Сами конфликты и непонимание их причин являются следствием существенных культурных отличий между европейской и мусульманской цивилизацией. Учитывая, что мусульманам и европейцам придется сосуществовать в уже общей Европе, необходимо изучать и понимать эти культурные отличия. И в тех сферах, где возможно возникновение

существенных межрелигиозных конфликтов, необходимо применять соответствующие правовые регуляторы, в том числе запрещающие инструменты.

*Сергей Максимов,
доктор юридических наук (г. Харьков)*

ОТ ВЗАИМНЫХ ОБВИНЕНИЙ К ДИАЛОГУ

Вопрос о соотношении свободы слова и свободы религии может быть рассмотрен в рамках более широкой системы координат, т. е. как вопрос о соотношении универсальных, признанных мировым сообществом, прав человека, с одной стороны, и правом на культурную идентичность, одним из выражений которой будет идентичность религиозная – с другой. С позиций доминирующего либерального в своей основе мировоззрения вопрос о культурной и религиозной идентичности человека решается с позиций признания его одним из индивидуальных прав. Отсюда становится ясным, что никакие притязания на идентичность не могут нарушать право как законы данной страны и как права других людей, а в первую очередь, фундаментальное право на жизнь. Поэтому никакие насильственные, а тем более, террористические действия недопустимы по мотиву защиты религии (во всяком случае, в современном обществе). Принцип свободы слова производный по своим духовно-историческим истокам от принципа свободы совести, или свободы религии. Отрицая второй, мы не можем не прийти и к отрицанию первого.

Эта фундаментальная метафизическая проблема может быть рассмотрена и в ином, более конкретном и актуальном ключе: как вопрос о допустимости или недопустимости оскорбительных для чувств верующих высказываний в адрес исповедуемой ими религии или ее авторитетов. Здесь же мы сталкиваемся с различными представлениями о границах допустимого в выражении свободы слова применительно к оценке религиозных традиций.

С позиций логики правосознания невозможно оправдание ни оскорбительных слов или демонстративных действий по отношению к носителям иного религиозного мировоззрения, ни крайне-варварской, покушающиеся на человеческую жизнь, насильственной реакции на такие высказывания или действия. В то же время сугубо правовое решение данной проблемы оказывается невозможным. Религия – настолько «тонкое дело», что при решении связанных с нею вопросов нуждается в переплетении требований нравственности и права (я бы добавил, что подобная «чувствительность» присуща всем феноменам культуры). Таковым экзистенциальным воплощением единства нравственности и права является *правовая совесть*, как повседневная чуткость к несправедливости, способность реагировать на ущемления чужого права с той же непосредственностью и безотлагательностью, с какой люди обычно реагируют на чужую муку и боль¹. Конечно, императивы правовой совести относятся скорее к высшим проявлениям правового и морального сознания, однако без позитивной социальной оценки данного феномена и хотя бы минимального наличия данной способности у представителей различных позиций, реальный культурный диалог в современном мире будет невозможен. Перевод высоких, иногда трудновыполнимых требований справедливости и толерантности на язык экзистенциально-повседневных требований, таких как порядочность и такт может оказаться весьма действенным. Поэтому реальный путь решения обсуждаемой проблемы лежит в направлении снятия взаимных обвинений и в налаживании межкультурного диалога.

¹ См.: Соловйов Е. Гуманітарно-правова проблематика у філософській публіцистиці В. С. Соловйова // Філософія права і загальна теорія права. – 2014. – № 1-2. – С. 503.

*Эдуард Мартынюк,
кандидат философских наук
Елена Никитченко,
кандидат философских наук
(г. Одесса)*

ЕСЛИ РАССУЖДАТЬ, ТО ПО СОВЕСТИ, А СУДИТЬ, ТО ПО ПРАВУ...

Одним из величайших парадоксов нашего времени состоит в том, что свободой слова и религии должны бы пользоваться лишь те, у кого есть совесть, но, чтобы убедиться в наличии последней, нужно предоставить свободу слова всем, даже тем, у кого её нет.

У истоков борьбы за свободы А. Линкольн говорил о готовности быть готовым ценой своей жизни защищать их, а современность продемонстрировала, что людей убили за гарантированную Законом свободу.

И это не проблема свободы слова или религии, а проблема реализации и защиты права на свободу совести, что продемонстрировал теракт, произошедший в редакции журнала «Шарли Эбдо».

Начнём с того, что поводом к убийству послужили карикатуры на пророка Мухаммеда, которые были расценены как оскорбление чувства верующих. Очевидно, что это повод, а причины? Мнений очень много. Одни считают, что ислам сам по себе порождает убийц. Однако, к этой религии принадлежит более миллиарда людей, и в их жизни не больше злобы, чем у сторонников других вер.

Собственно, сейчас активизировалась дискуссия о связях между религией и насилием, начатая с выходом новой книги К. Армстронг, посвящённой этой проблеме. Никогда не знаешь чем можно обидеть верующего, особенно если не веришь в то же что и он. Есть закон и это точка отсчёта, тем более, есть же «вызовы» новых «обид» и «обидностей», которые заранее и не предвидеть. Иногда так и хочется сказать: «Идите Вы уже в свой рай со своими обидками». Но вот, что показательно, деятельность этого издательства по-разному

оценивалась, но в рамках рационального дискурса, никто не «додумался» и не опустился до уровня расправы.

В современном мире уже не должно быть места наказаниям кроме морального, правового и божественного (если веришь). Самосуд – пережиток (устаревшая социальная технология разрешения конфликта). Самый подлый, «по божьему велению», ибо ставит под сомнение и мораль и легитимность единоверцев, потому что кого представляют террористы, ведь не только и столько сами ж себя?

А разве убийство людей менее серьёзное преступление, чем «оскорбительные» карикатуры? Кто-то счёл это богоугодным делом, делом совести? Разве эти карикатуры кому-то навязывались? А за что погибли полицейские, исполнявшие свой долг, а это ведь уже угроза не только свободам, но и безопасности граждан в целом.

Правда, вспоминается, что в недавнем прошлом, в нашей исторической Родине, в стране советов, приговаривали к лагерям или расстрелу, (причём по закону, но не по праву) граждан за анекдоты, куда более невинные, чем карикатуры в Париже, если они высмеивали какие-то важные для идеологии части системы. В таких ситуациях проявляется, что таких анекдотов и карикатур просто боятся (а именно консолидирующих и «развенчивающих» свойств гротеска). Агрессия власти – результат страха. И как ни парадоксально но, даже под страхом смерти эта анекдоты воспроизводились населением. А карикатуры, из-за которых были расстреляны журналисты (как обратный эффект), стали известны всему миру, в том числе и мусульманам, а не только подписчикам журнала. То есть, сами убийцы придали высшую значимость сатирическим рисункам и ещё раз подтвердили то, что кто-то воспринимает жанр карикатуры всерьёз.

Появление карикатуры как явления относят к периоду европейского средневековья и убийцы соотносятся по своему менталитету схожим с этой порой человеческой истории. Агрессивное поведение это их «потолок».

Некоторые считают причиной терроризма бедность, но убийц к этой страте не отнесёшь, а уж главарей террористических организаций тем более

(оружие – взрывчатка, организация и осуществление преступления, имеют существенную материальную стоимость).

А если такой терроризм это случай «садо-мазо», если убийцы сладострастно причиняют страдания и готовы помучаться? И совсем не в курсе про сублимацию...

Ну и конечно, терроризм как результат столкновения цивилизаций. «Война в карикатурах – лучше, тоньше», говорит старушка Европа. «Отчего же ты состарилась, Европа?» – «Да просто мудрости прибавилась» - «А в чём мудрость?» – «Истинный мастер боя тот, кто может избежать боя». Для европейцев и война объект для карикатур, как способ показать злобную природу агрессии. Собственно, алчущие кровавого возмездия, они сами карикатура на человека, проявления зла в нём.

В современном мире мировоззрение плюрализируется. Сознание пикселизируется. Возможная одномерность поступка (в данном случае убийства) возникает как кумулятивная причина. А если к этому добавить амбивалентность (шизоидальность) современного общественного сознания, то картина становится ещё более запутанной. Поэтому если змея бросается на тебя, то не рефлексируй по поводу того, что у неё и мама и папа гады и ей кушать надо. Вспомним Вольтера «Раздавите гадину» и хоть он относил свой лозунг к господствующей церкви, применим он к любому злобному существу. Но что касается сапиенсов, то совесть, закон и религия не позволяют убийств, предполагая их как возможность, но не действительность. Убийство журналистов в Париже стало возможным по причине допустимости другими людьми такого рода «решения проблем». К сожалению, журналисты погибают в различных конфликтах современности, и часто именно тогда, когда их свобода слова совпадает с общечеловеческой совестью.

В заключение всё же отметим, что даже после таких ужасающих событий ничего принципиально нового не будет, Европейская цивилизация и её свободы уже победили – они состоялись. Европейцы поняли, что свободны настолько насколько свободны. Европа, возможно, не будет больше «возвышаться», но это не отберёт у неё «кубок первенства». Терактов,

естественно, будут бояться, но и будут защищаться, но, главное, большинство будет жить, как и прежде, согласно осознанным ценностям.

*Юрий Пермяков,
кандидат юридических наук (г. Самара, РФ)*

СВОБОДА СЛОВА И СТРАХ ИМЕНОВАНИЯ (ПОСЛЕ ШАРЛИ ЕБДО)

1. Любое высказывание служит какому-либо делу. Поэтому, получив от Дмитрия Вовк приглашение к участию в дискуссии, я не вполне был уверен в том, что могу что-либо сказать по существу, избежав имитирующих дискуссии инвектив. Согласитесь, событие, случившееся 7 января 2015 г. в редакции парижского еженедельника, нуждается в осмыслении, но не в моральных оценках. Мои же моральные оценки просты и однозначны: я осуждаю убийство и не являюсь сторонником осмеяния чьих-либо религиозных убеждений. И если в происшедшем событии видеть лишь объект моральной оценки, даже при том, что в своём отношении к нему люди моей страны и всего мира радикально расходятся, думаю, повод для высказывания отсутствует. Оценки и, тем более, мнения людей оцениванию не подлежат, - по той простой причине, что ваша оценка и ваше мнение становятся в один ряд с такими же, которые вы собирались опровергнуть собственной оценкой. Нужно обладать большим самомнением, чтобы думать, будто твое мнение или твоя оценка имеет какие-либо преимущества перед другими. Это, кстати, было ясно участникам нападения, коль скоро они предпочли моральной критике боевое оружие, публичной полемике – террористический акт.

Очевидно, когда люди обращаются к моральным оценкам, демонстрируют солидарность и выражают свое возмущение, речь должна

идти не о событии, уже происшедшем, а о событии еще не завершённом¹. Далеко не все факты повседневности, какими бы трагическими они ни представлялись, обращены к нашей способности судить о них. Иначе говоря, необходимо понять, в какую ситуацию мы поставлены выстрелами в парижской редакции и каким образом мы можем сотворить из этого актуального события собственное прошлое. И тогда, возможно, наше высказывание об этом факте придаст ему свойства истории, откуда ему уже не выбраться. Без этого предположения – а именно: слово есть дело, вербальное утверждение действительности, – мы бы не ощутили возникшее после убийства онемение общества. И первое, в чем здесь надо быть уверенным – так это в собственной причастности. Чтобы мое высказывание могло стать содержательным и интересным (*interesse*, то есть чтобы наличествовала смысловая связь двух сущностей), оно должно бы претендовать на то, чтобы самому стать событием. Вот поэтому я размышляю о том, каким образом расстрел сотрудников еженедельника имеет отношение к моей жизни, и как я могу завершить это событие собственным рассуждением.

2. Трудно отделаться от мысли о том, что случившееся должно было случиться. Журналисты сатирического издания своим профессиональным кредо избрали карикатуризацию сакрального и всего того, что претендует на непререкаемый авторитет. Взявшие в руки оружие преступили закон. И те и другие исходили из того, что ценности, коль скоро человек их принимает, кое-что значат. Ценности побуждают к поступку и их утрата обесмысливает существование. Они ввергают человека в рискованное бытие, поскольку защита ценностей имеет смысл только там, где им грозит поражение. Поэтому трагическая встреча должна была состояться, и ее факт, на долгое время отсроченный пространственным расположением двух культур, опрокидывает легкомысленное увлечение лозунгами постмодерна о конвенциональной природе сущего и спонтанности бытия. В толерантном обществе с его конституционными нормами о свободе слова неожиданно явственно из

¹ К сожалению, когда я работал над этой заметкой, пришла весть из Копенгагена, где 14 февраля на общественном семинаре «Искусство, богохульство и свобода слова» неизвестный начал стрельбу по его участникам.

далекого прошлого прозвучал возглас апостола Павла: «Не обманываетесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет». (к Галатам. 6, 7).

Итак, если я живу в мире, устроенном сообразно принципу ответственности, было бы лицемерно сетовать на несправедливую участь журналистов, добивавшихся своими публикациями общественного резонанса. И тем меньше поводов изумляться судьбе террористов: одни убиты, других соучастников ожидает розыск и наказание.

Однако несоразмерность поступка и последствий, в частности, выполнения профессиональной работы и настигшей на рабочем месте смерти, вызывает чувство протеста. Я полагаю, что для констатации несоразмерности необходимы рациональные предпосылки, служащие, собственно говоря, основаниями права, о которых всегда забывают в чрезвычайных обстоятельствах.

3. О соразмерности и, соответственно, о воплощенных в юридическую форму критериях справедливости уместно рассуждать там, где отсутствует вражда, т.е. такая стратегия выживания, где смерть одного служит условием жизни другого. Право не возникает там, где нет взаимного интереса друг к другу и, соответственно, где нет социальных отношений, а есть лишь люди, волей случая встретившиеся в одной точке пространства. О том, что право действует в общественной среде и является социальным по своей сути явлением, знает каждый первокурсник. Однако мысль о том, что право само является условием социального, без которого общество не состоится как реальность, близка и понятна далеко не всем*. Там, где нет взаимных притязаний и ожиданий, право не возникает: его не было в Освенциме между охранниками и заключенными, его нет на войне – до тех пор, пока пленение, конвоирование, охрана или иной повод (случайная встреча на марше при обоюдном нежелании или неготовности вступить в бой, переговоры, пользование одним источником воды и т.д.) не порождают у противников право как вынужденную либо желаемую форму социального сосуществования.

* Реальность (англ.: reality, производно от лат: res) как предметность, вещественность контрагента в социальном общении. Другой – это всегда статус, правовая форма сотрудничества, со-бытия. Неслучайно глубинный смысл события видят в перемене способа существования и в сопутствующей ему форме признания, символизации.

В этом аспекте террористический акт – это демонстрация не-права, отсутствие повода для соразмерности и соотнесения каких-либо форм общения. И как в случае с любым убийством, мы оказываемся свидетелями производства ничто, уничтожения сущего. Там, где, казалось бы, располагалось пространство социального, правовые отношения, легитимная (пусть и порицаемая из моральных либо эстетических соображений) деятельность, вдруг обнаружилось пустое пространство: террористы не захотели признавать статус и, соответственно, прав сотрудников редакции в качестве реальности собственной жизни. Они их вычеркнули из списка живущих, парадоксальным образом признав, что свойственно любому отрицанию, – значимость отрицаемого, т.е. творчества и жизни сотрудников редакции для своей судьбы, культуры, религии.

Если у террористов были претензии к творческой деятельности журналистов, сделаем вывод: помимо признания собственной уязвимости они также признали журналистов адресатами пока еще неясного и странного долженствования.

Разумно ли ожидать от сущности того, чем она не является и чем она стать не может? И вот вопрос, имеющий обоюдную направленность: вправе ли мусульманин формулировать правовые притязания тому, с кем он не помышляет о единстве – иноверцу, атеисту, пересмешнику? Вправе ли он вести речь с тем, с кем у него нет общих ценностей, общей инстанции, общих норм? Более того, вправе ли представитель одной культуры, расположившись в пространстве другой культуры, предъявлять счет, опираясь на привезенную с собой шкалу ценностей? И, соответственно, в каких пределах имеет смысл в деятельности журналистов то, что именуют надругательством, осмеянием, проверкой на соответствие собственным декларациям, т.е. все то, что досталось современной публицистике в наследство от карнавальной культуры средневековой Европы, когда та решила таким способом проверить на прочность собственные христианские основы?

4. Мой ответ на первые три вопроса: нет. Любое проявление недовольствия – от мягкого замечания до жесткой угрозы или издевательского смеха – утверждает взаимную причастность: нас не ранит безосновательное, мы

не уязвимы для абсурдных оценок и высказываний. Акт терроризма, мотивированный расправой с карикатуристами, хоть и свидетельствует о дефиците единства, но не исключает его.

5. Проблема, т.е. незавершенность события и ставшая очевидной недосказанность мной усматривается в том, что мужественно декларируя свободу слова как абсолютную ценность («Je suis Charlie», «Я Шарли»), европейское общество не готово признать социальную опасность этой свободы и, что более серьезно, возможность вооруженного инакомыслия с водруженным поверх всяких смыслов лозунгом свободы. Мошенниками бывают не только государства, как об этом заявил Ж. Деррида, но и граждане, безосновательно рассчитывающие циничным образом воспользоваться услугами правового государства, не разделяя с иными согражданами его исторической судьбы.

Мера доступной свободы определяется способностью общества сохранить свою целостность и основополагающие ценности. Однако, смех, порождающий разлуку, безумен. Смех и культура высмеивания служат индикатором европейской нормативности, поскольку отсутствие нормы или же ее абсолютный характер, что одно и то же, исключает смешное (как нечто, отклоняющееся от нормы) в принципе. Религиозный фундаментализм знает смех радости, но ему неведом смех смешного.

Не менее легкой для разрешения мне представляется тема фальшивого представительства: кто имеет право представлять ислам и – уже на грани философии и богословия – кому открывается воля Создателя относительно того, что Он считает своим? И если любое сообщество единоверцев и единомышленников позволяет кому угодно по собственному соизволению выступать от их имени, мы наблюдаем кризис идентичности, в частности, смешение ислама и терроризма.

Я не претендую на постановку этого вопроса в исламском мире и в контексте специфических смыслов исламской культуры. Я лишь хочу быть уверенным в том, что знаю, с кем имею дело, когда вступаю в общение. Поэтому я жду дистанцирования любой общности от тех представителей, которые не имеют на это представительство оснований, и мне, строго говоря, для утверждения этой закономерности в жизни социума безразлично, идет ли

речь о представителях ислама, православного христианства, русского народа, международного сообщества и т.д. Во всех этих случаях я усматриваю становление права и, соответственно, способность (либо неспособность) к идентификации собственного статуса и формализации правовых суждений.

6. Перед лицом Абсолюта, иначе говоря, при встрече с собственным небытием (смертью) и попытке воспользоваться шансом на спасение нельзя оставаться инкогнито: нужно преодолеть страх именованья себя и другого, если действительно рассчитываешь на содействие. Указание на себя, т.е. именованье собственной единичности и произнесение имени Другого присутствует в любом призыве, в любом возгласе, претендующим на внимание. Но террористы в карикатурах не увидели приглашения к диалогу, коль скоро пришли не выяснять, а убивать. Они оказались объектами окарикатуренного повествования, в котором умалчивалась или игнорировалась их способность иметь к этому собственное отношение. В свою очередь, и карикатуристы узнали о своей участи выбрасываемых из предметного окружения пришельцев вещей лишь при произнесении от имени Аллаха приговора, и ничего более в этой трагической встрече им не предназначалось. В этой обезличенной и опустошенной реальности звук выстрелов прозвучали как роковое известие: «здесь никого нет».

В силу сказанного, возможно, станет понятной моя тревога за судьбу права и цивилизационные основы современности: европейское общество, полагающееся на собственный исторический опыт, заключенный в правовых институтах, не располагает возможностями различать правовые притязания тех, кто (начиная от мигрантов и кончая политическими демагогами), вступая на территорию закона, рассчитывает на действие формальных механизмов реализации права вне контекста исторической причастности и солидарности со всеми иными субъектами права.

*Сергій Рабінович,
доктор юридичних наук (м. Львів)*

ВИПАДОК «CHARLIE HEBDO»: «ПРАВО НА ОБРАЖАННЯ» ТА ЙОГО МЕЖІ

Згідно з відомою правовою позицією Європейського Суду з прав людини, свобода вираження включає не тільки можливості висловлювати думки, прийнятні для більшості, а й такі, що «ображають, непокоять або шокують». Випадок із авторами карикатур у «Charlie Hebdo», який призвів до трагедії, безумовно належить, до останньої групи – принаймні в частині ображення та шокування.

ЄСПЛ також постійно наголошує на особливій ролі преси у демократичному суспільстві, що зумовлює необхідність підвищеного захисту журналістської свободи вираження порівняно з такою ж свободою інших осіб. Із власне правового погляду питання зводиться до виявлення легітимних меж, в яких висловлювання, що «ображають, непокоять або шокують», можуть залишатись прийнятними.

Хотілось би висловити деякі загальні міркування, які, ймовірно, могли б бути взяті до уваги при правовій оцінці згаданої ситуації.

Морально-правова відповідальність ЗМІ. Виняткова роль преси в сучасному суспільстві, – роль, яка робить її реальною «четвертою владою» й володарем суспільної думки, – має покладати на ЗМІ особливу й підвищену відповідальність, співмірну із тими значними соціальними наслідками, що їх потенційно спроможні викликати журналістські публікації. Причому в цілій низці випадків така відповідальність є не тільки моральною. Інститути деліктної відповідальності за образу релігійних почуттів та за розпалювання релігійної ворожнечі можуть слугувати підтвердженням цьому.

Відтак недооцінювати суспільну небезпеку, яку сьогодні несуть міжрелігійні конфлікти, видається не допустимим. Це має зумовлювати особливу обережність журналістів і ЗМІ в цій царині.

Мета використання свободи. Критерієм легітимності здійснення свободи вираження слугують цілі використання вказаної свободи. Шикана як здійснення свого права з виключною метою завдати шкоду (зокрема немайнову) правомірним способом реалізації права вважатись не може. Більше того, не тільки прямий, а й навіть непрямий умисел, спрямований на образу релігійних почуттів тієї чи іншої суспільної групи, – при тому що такий умисел не є виключною та єдиною метою дій автора, – вочевидь, може стати підставою для відмови у правовому захисті відповідних форм свободи вираження.

Зауважимо, що не всі карикатури Charlie Hebdo мали однакову мету. Загалом саме по собі карикатурне зображення пророка Мухаммеда (так само як і, скажімо, сатиричні зображення представників національних меншин) не може апріорно вважатись зловживанням правом чи іншим правопорушенням. Правова оцінка зображень згаданого типу може бути виключно конкретною й ситуативно-контекстуальною. Адже за своєю спрямованістю подібні зображення можуть бути різними – відносно нейтральними, гумористичними (наприклад, малюнки Жана Еффеля) та агресивними, такими, що виражають суспільно небезпечні упередження, підживлюють ненависть і ворожнечу в суспільстві.

Суспільний контекст. Принциповою є загальна концепція суспільства, в якому і щодо якого встановлюємо прийнятність певних форм свободи вираження. Так, з точки зору ЄСПЛ, йдеться про прийнятність у «демократичному суспільстві». Проте вельми значна невизначеність і дискусійність останнього поняття зумовлює те, що якісні параметри такого суспільства доводиться з'ясувати емпіричним та індуктивним способом, зокрема на основі тієї ж таки практики Суду по конкретним справам. Інакше кажучи, в розрізі свободи висловлювань, образ «демократичного суспільства» в уявленні кращих суддів Європи постає в рішеннях Суду по статті 10 Конвенції.

Розуміючи існування доволі важливих культурних, релігійних та інших відмінностей сучасних суспільств між собою, не можна не погодитись із тим, що конкретні легітимні межі здійснення свободи вираження в різних суспільствах будуть відмінними. Зокрема, вочевидь, різні вони будуть у

традиційних, модерних і «транзитивних» суспільствах, у суспільствах мультикультурних і тих, в яких виразно домінує одна релігія, у яких роль релігійної общини, церкви та інших інститутів традиційної моральності якісно відмінна.

Врахування ступеня індивідуальної чутливості. Видається обґрунтованою позиція ЄСПЛ, згідно з якою необхідне врахування індивідуальних особливостей реципієнтів, які були чи мали бути відомі суб'єкту реалізації свободи. Таке врахування, звісно, відрізняється у випадках, коли адресатом висловлювання є конкретна особа, й у тих ситуаціях, коли висловлювання адресоване особам, персонально не визначеним. Попри це, вже самі існуючі в суспільстві уявлення про ступінь чутливості окремих груп до певної проблематики могли би вважатись достатнім індикатором допустимих меж свободи вираження.

Провокативний характер серії карикатур «Тижневика Шарлі» видається безсумнівним. Віддаючи належне особистій сміливості й мужності їх авторів, зауважимо також, що вони, на наш погляд, не могли не бути свідомі вкрай негативної емоційної реакції мусульман (передовсім прибічників релігійного фундаменталізму) як наслідку своєї публікації. Це, безперечно, жодним чином не означає, що автори зобов'язані були передбачати вчинення проти них того злочину, який вчинено або повинні були вживати особливих заходів охорони і захисту свого життя. Натомість оцінка характеру і ступеня провокативності публікацій стосується їх можливого впливу на пересічних і законслухняних adeptів відповідної релігії.

Виправдання терористів? Зрештою, дозволимо собі задатись ще одним питанням про те, чи може провокативний характер карикатур впливати на правову оцінку дій осіб, які вчинили вбивство їх авторів.

Міркуючи абстрактно, можливість такого впливу, мабуть, не можна відкидати. Так, наприклад, демонстративний показ відповідних карикатур окремим представникам ісламу міг би викликати стан афекту, який, своєю чергою, міг би вважатись пом'якшуючою обставиною у випадку вчинення злочинних дій щодо осіб, які такий показ здійснювали. Проте, звертаючись до подій в редакції Charlie Hebdo, не можна не зауважити суттєву відмінність від

щойно змодельованої ситуації: попередньо спланований характер терористичних актів. Власне це, на наш погляд, і виключає можливість пом'якшення юридичної відповідальності осіб, які їх вчинили.

*Петр Рабинович,
доктор юридических наук (г. Львов)*

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (В СВЯЗИ С СИТУАЦИЕЙ ИЗДАНИЯ CHARLIE HEBDO)

Как известно, беспредельного осуществления в социуме прав человека никогда не было, не бывает и не будет. В связи с этой, можно сказать, аксиомой проблематика упомянутых пределов должна привлекать особое внимание исследователей, в том числе в Украине. Тем не менее лишь в 2000 году во Львовском университете впервые на постсоветском пространстве И. М. Панкевичем по этой проблеме была выполнена под моим руководством кандидатская диссертация. Ее материалы были положены в основу изданной нами в 2001 г. совместной монографии: «Здійснення прав людини в Україні: проблеми обмежування». В ней был сконструирован и обоснован ряд терминопонятий, которые, как представлялось, могли бы послужить инструментами исследования пределов осуществления прав человека.

К тому же, еще за несколько лет до этого мною был сформулирован и опубликован весьма важный вывод о том, что после того как со второй половины XX века проблема прав человека вышла на передний план мирового общественнознания (и прежде всего юридической науки), самым практически значимым и наиболее злободневным, постоянно актуальным стал такой ее аспект, как *пределы осуществления прав человека*. Об этом убедительно свидетельствовало то, что практически все государства, цивилизации, основные мировые религии, соглашаясь в принципе с Международным биллем прав человека (и прежде всего, с его фундаментом – Всеобщей декларацией прав человека), в своей практической деятельности далеко неодинаково решали

проблему установления и реализации указанных пределов. (К слову сегодняшние события на Востоке Украины – очередное, к сожалению, трагическое, тому подтверждение.)

Я не буду воспроизводить здесь ту интерпретацию упомянутых понятий, которую я с И. М. Панкевичем обосновывали в названной выше монографии (общее понятие пределов осуществления прав человека; их основные свойства; их классификации; понятие оснований ограничения прав человека, их разновидности; принципы установления и применения ограничений прав человека и др.).

Обращусь в их свете к комментированию ситуации, возникшей в связи с публикациями изданием Charlie Hebdo карикатур на Пророка Мухаммеда.

Само собой разумеется, что осуществление права на свободу слова не может быть безграничным, беспредельным. И истоки проблемы интерпретации пределов осуществления этого права, как и любого другого, коренятся, по моему глубокому убеждению, в социальной неоднородности того или иного общества, группы обществ (государств), различных цивилизаций, религий, в конечном счете, в социальной неоднородности человечества, мира. Нет необходимости здесь детально доказывать, обосновывать это положение (а если бы мне пришлось это делать, то я исходил бы с позиций социально-материалистического детерминизма).

И вот как раз в силу указанного фундаментального обстоятельства интерпретация интересующих нас пределов заведомо, принципиально не может быть унифицированной не только в рамках всего населения земли, не только в рамках того или иного континента, региона, но даже и в рамках отдельного государства. Разумеется, какая-то из таких интерпретаций может быть доминирующей, господствующей, наиболее поддерживаемой в определенном обществе. Но и там она, по общему правилу, будет неединственной. Это, так сказать, теория.

А вот непосредственно практический вопрос состоит в том, как реагировать на нарушение пределов правоосуществления, именно таковых, какими они представляются той или иной социальной группой. При этом такие

представления противоречат доминирующим – чаще всего закрепленным в законодательстве – пределами осуществления соответствующего права.

Мы знаем общий принцип, согласно которому осуществление своих прав не должно причинять ущерба другим субъектам (по крайней мере, в пределах одного государства). Несоблюдение этого принципа, как известно, принято считать злоупотреблением своими правами.

И вот с этих позиций комментируя упомянутую выше ситуацию, я бы сказал, что реакция Charlie Hebdo этот принцип не соблюла. Потому что, вне всякого сомнения, моральный ущерб представителям мусульманской религии тут очевиден, их отрицательные переживания, негативные чувства, вызванные публичным осмеянием их религиозного авторитета, бесспорны. Когда-то в советские времена, по крайней мере, в 70-80 годах прошлого столетия, был озвучен и запущен в оборот лозунг «Бороться с религией, не оскорбляя чувств верующих». И это был уже не грубый, прямолинейный, «топорный» воинствующий атеизм, а, если можно так выразиться, атеизм более цивилизованный, которому теперь, как мне кажется, соответствуют термины «секуляризм» и «светскость».

Другое дело (и это отдельный вопрос), что реакция на это своего рода злоупотребление правом, тоже не может быть беспредельной. Реакция эта в нормальном варианте непременно должна была последовать, но в юридически и морально приемлемой форме. Она (реакция), как мне представляется, должна была бы проявиться в оспаривании (в том числе в судебном порядке) в соответствии с законодательством Франции правомерности действий редакции Charlie Hebdo, вплоть до обращения в Европейский суд по правам человека, который, кстати, неоднократно рассматривал конфликты такого рода с государством. Здесь же радикальные, если можно так выразиться, мусульмане, в свою очередь, вышли за установленные законом пределы защиты своих религиозных ценностей. И тем самым «подставили» себя, возможно, в еще большей мере, под противодействие со стороны государства. Хотя является очевидным, что без нарушения пределов свободы слова со стороны Charlie Hebdo, не было бы и нарушения пределов права на свободу религии.

Поэтому единогласное осуждение на Западе (вплоть до многих глав государств) действий мусульманских террористов со ссылкой только лишь на абстрактную свободу слова и без упоминания при этом о нарушении пределов этой свободы редакцией Charlie, представляется мне односторонним, недостаточно объективным и справедливым. Интересно, как реагировали бы фанатичные последователи той или иной христианской конфессии, если бы, например, в той же Франции какое-то издание (мусульманской или иной религиозной общины) напечатало бы карикатуры на Иисуса Христа, его учеников, Деву Марию? Думается, что в этом случае главы европейских государств вряд ли возглавили бы многотысячную демонстрацию в поддержку свободы слова. В заключение еще раз скажу, что естественно обуславливаемое социальной неоднородностью любого европейского общества закономерное разнообразие интерпретации ценностей, «святынь» (духовных, идеологических, моральных, политических и др.) является непреложным, реальным социальным фактом. И речь идет лишь о том, чтобы на основе консенсуса выработать взаимоприемлемые процедуры, инструменты разрешения тех противоречий, конфликтов, которые порождаются этим разнообразием. Я имею в виду выбор, условно говоря, того судьи (органа), решение которого будет неукоснительно соблюдаться даже теми сторонами конфликта, которые с таким решением не согласны.

*Юлия Разметаева,
кандидат юридических наук (г. Харьков)*

О СВОБОДЕ СЛОВА И СВОБОДЕ РЕЛИГИИ

Конфликт различных свобод существует с тех пор, как люди вообще осознали их своими свободами, правами и ценностями. К примеру, такая важная возможность, как свобода слова, конечно, не безгранична в своей реализации. В зависимости от общих принципов и конкретных жизненных

ситуаций, пределами для свободы слова могут быть право на жизнь или право на защиту чести и достоинства, общественная мораль или безопасность. И один из принципиальных споров здесь – между свободой слова и свободой религии.

Рискну предположить, что реакция французов на трагедию Charlie Hebdo, которая заставила многих говорить о ценности вольного выражения мнения и допустимых его ограничениях, была вызвана не только тем, что для общества западной традиции неприемлемо посягательство на фундаментальные свободы, принципы и ценности, а и тем, каким именно было посягательство. Террористические акты, убийства, пытки, запугивание – разве это допустимые для оскорбленного в религиозных чувствах человека? Если вы считаете, что кто-то злоупотребляет свободой слова, оскорбляя религиозные чувства или заходя на территорию других свобод, отстаивайте это пропорциональными и адекватными методами. Сколь бы сильной ни была ваша обида, как бы ни пострадала картина мира и мораль, вы не можете уничтожать тех, кто в этом виновен. Обратитесь в суд, докажите, что, к примеру, действия карикатуристов неприемлемы – пусть тираж журнала будет изъят, а вам принесут публичные извинения. Соберите демонстрацию под окнами издательства, возьмите свои лозунги и карикатуры – пусть часть общества поддержит вас и раскритикует журналистов.

Многие защитники свободы религии, которые настаивают на ограничениях свободы на почве веры, утверждают: «Некоторые вещи слишком святы, чтобы их трогали». Но кто и по каким критериям будет делать выбор о неприкосновенности определенных тем? И даже, если бы мы согласились, что есть принципиально важные для верующих вещи, о которых нельзя шутить или преподносить в сомнительном и невыгодном свете, не получится ли так, что этих вещей окажется слишком много? И тогда мы будем отрезать по кусочку от пирога свободы слова, пока от него ничего не останется.

Другой вопрос: должны ли быть привилегии у религиозной доктрины, в сравнении в любой другой? Предположим, кто-то искренне верит в струнную теорию строения Вселенной и воспринимает грубую критику в ее адрес, как ужасную трагедию и обрушение картины мира. Предположим, этих людей сотни тысяч. Почему они должны быть лишены возможностей отстаивать

критично важные для себя взгляды, аналогичных возможностям адептов религиозных доктрин? И, кстати, никто не слышал о группе физиков-теоретиков, врывающихся в редакцию журнала с автоматами после публикации материалов, высмеивающих черные дыры?

Поэтому в неизбежном столкновении свободы слова и свободы религии, сложно принять сторону второй. Конечно, хорошо бы выработать какой-то динамичный баланс для подобных конфликтов, но, увы, хорошего рецепта здесь не существует. Единственный базовый ингредиент – любые конфликты свобод должны решаться в рамках правового поля, цивилизованными, адекватными и пропорциональными методами. И уж точно не убийствами или обвинительными приговорами светского суда, использующего вместо закона религиозные тексты и показания отцов церкви.

*Наталья Сатохина,
кандидат юридических наук (г. Харьков)*

СВОБОДА СЛОВА ПОСЛЕ СОКРАТА

Мыслить критически – древняя забота философии, которую в ее сознательной форме можно возвести к деятельности Сократа в Афинах. Сократ занимался тем, что с помощью рассуждения делал процесс мышления публичным, превратившись, таким образом, в образцовую фигуру философа, принимающего вызов любого, открытого для любых вопросов, для любых требований отчета в своих словах и жизни в согласии с ними. Так, подвергая себя свободному и открытому испытанию, философ освобождается как от догматизма толпы, так и от догматизма избранных авторитетов. И хотя мышление – это безмолвный диалог с самим собой, но если мы не способны сообщить другим то, что открыто в одиночестве, способность мышления исчезает. По словам Карла Ясперса, истина – это то, что я могу сообщить другим. Поэтому, согласно Иммануилу Канту, «та самая внешняя власть,

которая лишает людей свободы сообщать свои мысли публично, отнимает у них также и свободу мыслить». Следовательно, свобода слова – это не просто право на высказывание своего мнения; сама способность мышления зависима от своего публичного применения; без свободного испытания никакое составление мнения невозможно.

Вместе с тем, Ханна Арендт предлагает взглянуть на фактор публичности, необходимой для критического мышления, и с иной точки зрения: по сути, достижением Сократа стало извлечение из любого мнения скрытых или невидимых последствий, чтобы представить их на общий суд. Такое испытание предполагает, что все хотят и способны дать отчет о том, что думают и говорят. По мнению Арендт, «именно это – считать самого себя и всех остальных ответственными и отвечающими за свое мышление и учение – сделало философией возникшие в Ионии поиски знания и истины».

После того, как смерть Сократа породила нечто вроде «веками тянувшегося смущения совести, благодаря которому дух и разум постоянно оставались начеку» (выражение Владимира Янкелевича), вправе ли мы отказаться от этой ответственности? Сложно сказать, чем руководствовался король Франциск I, когда предоставил защиту вынужденному скрываться от теологов Франсуа Рабле: защищал ли он свободу слова или просто любил юмор – по выражению Милана Кундеры, «странное удовольствие, проистекающее из уверенности, что уверенности не существует». Но, так или иначе, Рабле покровительствовали многие влиятельные люди того времени. Анализируя историю Салмана Рушди, приговоренного к смерти Имамом Хомейни за роман «Сатанинские стихи», Кундера с горечью констатирует, что в сегодняшней Европе он не видит ни единого Франциска I; Европа оказалась неспособной объяснить себе самой и защитить свою собственную культуру.

Не подтвердили ли этот вывод «карикатурные скандалы» последнего десятилетия? И не оказались ли свобода слова и ироническое сознание приговоренными к смерти так же, как искусство романа? Почему после событий во Франции 7 января 2015 года под ударом в первую очередь оказалась свобода слова? По всей видимости, за призывами к ограничению свободы слова кроется не только усталость и нежелание считать себя

ответственными за свое мышление, но и разрыв с собственной интеллектуальной традицией, разлад с самим собой, что, согласно Сократу, значительно хуже несогласия с большинством.

*Віктор Смородинський,
кандидат юридичних наук (м. Харків)*

ОСОБЛИВОСТІ ДІЇ «ПРИНЦИПУ НЕЙТРАЛЬНОСТІ» У ПРАВОВІЙ СИСТЕМІ ФРАНЦІЇ

Принцип нейтральності, як зазначає С. Шевчук у своїй праці «Судовий захист прав людини: практика Європейського суду з прав людини у контексті західної правової традиції», вимагає, передусім, неупередженості держави щодо існуючих релігій та ідеологій, однак він також покладає на державу обов'язок поважати принципи свободи та недискримінації. У цьому сенсі нейтральність розуміється як наслідок відокремлення церкви від держави. Водночас ця ідея зовсім не означає зведення «муру» (термін Т. Джеферсона) між цими двома значущими інститутами суспільства. Її сучасна соціальна історія Франції є доказом неможливості ефективного побудови такого «муру». Втім, з урахуванням певних національних історичних і ментальних особливостей.

Ще в 1977 р., коли під час підготовки Амстердамського договору, канцлер Німеччини Г. Коль на прохання католицької та протестантської німецьких церков зробив спробу закріпити в ньому «церковні статті», ця ініціатива зазнала невдачі через заперечення Франції. Схожа ситуація повторилась у 2000 р. під час розробки Європейської хартії про основні права. У Преамбулі цього документа згадувалося про «гуманістичну, культурну й релігійну спадщину» ЄС. Президент Франції Ж. Ширак заявив, що Франція не може схвалити таке формулювання, оскільки воно суперечить офіційному французькому тлумаченню принципу відокремлення церкви від держави (Laiziteit-prinzip). У зв'язку з цим було вирішено прийняти таке формулювання: «духовна й

моральна спадщина» («patrimoine spirituel et moral»). Однак у німецькій редакції Хартії англійське слово «spiritual» було перекладено як «духовно-релігійна». Утім, Німеччина змогла довести, що такий переклад є правильним і коректним.

13 вересня 2002 р. Папа Іван Павло II у своїй промові підкреслив, що посилення на Бога й християнство у проекті Конституції ЄС означає визнання історичних та культурних реалій, що впливають на сьогоденню Європу й належать до ідентичності її жителів. Представники Франції піддали це висловлювання Папи критиці з точки зору чинного у Франції принципу відокремлення релігії від держави.

Принцип відокремлення є важливою рисою Французької Республіки. Відповідний Закон було прийнято у Франції ще в 1905 р. Цей принцип закріплено в Конституції Франції в ст. 1 «Франція є неподільною, світською, демократичною, соціальною республікою». З релігійної нейтральності держави випливає, зокрема, заборони розміщення в державних установах релігійної символіки, розміщення релігійних символів у громадських місцях, за винятком культових будівель, кладовищ, музеїв і виставок. Тому, наприклад, неправомірним у Франції є розміщення розп'яття на ратушах, у залах судових засідань, у державних школах і лікарнях.

У зв'язку з перенесенням релігії з публічної сфери в приватну змінилася й французька правова політика. Так, свою специфіку мали французькі судові процеси про допустимість носіння хустки або чадри шкільними вчительками. Якщо, наприклад, Федеративний Конституційний суд Німеччини надав землям самостійно вирішувати питання щодо дозволу або заборони носіння хусток вчительками-мусульманками, то у Франції носіння ними хусток було заборонено.

У 1989 р французьке суспільство шокував випадок з 14-річними мусульманськими школярками, які відвідували уроки в чадрі, що вело до конфліктів у класі. Спроби вплинути на поведінку школярок через їхніх батьків не дали результатів, і тоді керівництво школи відсторонило дівчаток від занять. Конфлікт розв'язався мирно й без судового втручання завдяки компетентному юридичному висновку від 27 листопада 1989 р., згідно з яким принцип відокремлення держави від релігії означає не тільки їх нейтральне ставлення

одне до одного, а й те, що шкільні заняття повинні бути підготовлені та проведені так, щоб нейтральність по відношенню до всіх релігій була виражена в навчальному матеріалі. Крім цього, викладацький склад повинен шанобливо ставитися до свободи совісті своїх учнів. Дискримінація учнів під час занять у зв'язку з їхніми релігійними переконаннями є неприпустимою. Принцип нейтральності не поширюється на учнів, які у зв'язку з цим мають право показувати в школі свою релігійну приналежність і свої релігійні переконання. Крім того, принцип відокремлення церкви від держави знаходить своє відображення в навчальному процесі як повага до всіх думок і всіх релігійних переконань.

З іншого боку, висловлюючи свої релігійні переконання, учні не повинні їх пропагувати або тиснути на інших учнів. Керівництво школи має право й зобов'язане прийняти рішення, чи порушує носіння учнями релігійних символів порядок у школі, й у разі необхідності застосувати дисциплінарні заходи. Рішення керівництва школи може бути перевірено судом. Отже, згідно з цим юридичним висновком, носіння учнями релігійних символів було визнано припустимим.

У відомому й за межами Франції справі Aoukili (судове рішення від 10 березня 1995 р.) учитель фізкультури попросив дівчат зняти чадру з міркувань безпеки. Дівчата не зважилися виконати вказівку вчителя, хоча її було продиктовано турботою про їхнє здоров'я. Крім того, батько дівчаток після цього випадку протягом тижня не пускав дівчаток в школу й поширював біля неї листівки з інформацією про значення деяких положень Корану, що призвело до релігійного мітингу. Суд ухвалив, що в цьому випадку чадра є засобом релігійного тиску й пропаганди та визнав зауваження вчителя конституційним і виправданим. Таким чином, суд вирішив, що припустимим є вторгнення у сферу релігійних свобод людини як необхідний захід, спрямований на безпеку й охорону здоров'я.

У іншій – також широко відомій – справі директор центру з підготовки санітарів у Бордо відсторонив одну з учениць від навчання через те, що вона мала пройти практику в психіатричному відділенні лікарні, однак соромилася працювати без чадри. Водночас керівництво центру вважало, що носіння

санітаркою чадри може негативно вплинути на стан здоров'я психічно хворих пацієнтів. Суд ухвалив таке рішення: до початку практики носіння санітаркою чадри було вираженням її релігійних переконань; проте у випадку практики вирішальне значення має специфіка відділення та інтереси пацієнтів, між іншого й можливість виникнення у них ускладнень.

Як зазначила Конституційна Рада Франції, «Конституція не передбачає будь-якої співпраці» між державою та релігійними спільнотами. Втім, держава не може ігнорувати релігію». Саме в цій площині й має бути розглянуто та оцінено дію принципу нейтральності у правовій системі Франції.

*Андрей Трембич,
адвокат (г. Киев)*

СМЕХ КАК ДЕМОКРАТИЯ. ДЕМОКРАТИЯ КАК СМЕХ

...Возможно, нам не стоит поддаваться общепринятой интеллектуальной инерции и рассматривать парижскую трагедию сквозь призму свободы слова, обрамленной в рамках культурного и религиозного конфликта: во-первых, это слишком простой пример для изучения пределов свободы слова; а во-вторых, не до конца понятно, какого протеста в действиях террористов на самом деле было больше – религиозного или социального.

Для продолжения дискуссии, мне кажется, очень важно зафиксировать, что коллизия между свободой совести (включающей право на «ограждение себя от невыносимого») и свободой слова – это сугубо западная рефлексия, часть общеевропейского общественного договора, чуждого (как оказалось) братьям Куаши. Нас не должно вводить в заблуждение предложенное ими объяснение своих преступлений, удовлетворившее всеобщим ожиданиям и стереотипам. Обида глубоко фрустрированных, системно униженных людей за оскорбленную в чужой стране исламскую святыню – это в лучшем случае катализатор первопричины – накопленной годами уголовной энергии и

ненависти к не принявшему их обществу. Они хотели оскорбиться – и воспользовались этой возможностью. С другой стороны, нам как людям, (надо полагать) разделяющим правовые идеалы Европейской конвенции, приходится каждый раз постфактум искать и находить новые решения классического уравнения «свобода выражения vs. свобода религии (право верующих на защиту своих религиозных чувств)», – не забывая при этом, что по ту сторону европейского правового дискурса никакой коллизии и баланса интересов не существует в принципе.

Да, так вышло, что по внешним признакам этот случай органично встал в общий ряд с другими трагедиями, когда европейские журналисты, художники и артисты становились жертвами террористической агрессии, исходившей от оскорбленных мусульман. Как говорил классик российской пропаганды: «Совпадение? Не думаю...».

Внешние неприглядные признаки парижской трагедии состоят в том, что группа террористов арабского происхождения по мотивам оскорбления исламской религии расстреляла редакцию сатирического журнала как раздражающий символ свободомыслия и непочтительности. В сюжете этого хоррора леденит душу именно то, что террористы нарушили одно из древнейших табу западной культуры – запрет на убийство шута. Многие комментаторы упускают из виду это различие, но жертвами январского теракта стали не журналисты (с их *свободой слова*, на чем обычно заостряется внимание почтенной публики), а карикатуристы-скоморохи (с их *свободой смеха*). Этика шутовства не только давала странноватым старичкам-художникам право братья за любые табуированные темы, но также и ограждала их от общественного гнева: неприкасаемому шуту позволено гораздо больше, чем другим. Вряд ли кто-то станет спорить, что карикатуры *Charlie Hebdo* часто и намеренно переступали этические и эстетические границы, каноны вкуса, политической корректности и других социальных условностей, – но таковы уж были законы их жанра.

Поскольку вывод о том, что свобода смеха – это не частное проявление свободы выражения/слова, а хоть и родственное, но качественно другое фундаментальное право, не охваченное ст. 10 Европейской конвенции, – не

очевиден, настоящее эссе я бы хотел посвятить своему видению именно данного (существенного, как мне представляется) различия.

Свобода смеха – основополагающий институт европейской «карнавальной» цивилизации, восходящий едва ли не к греческой комедии. И во все века он шел бок о бок с сакральным, питался им, служил инструментом познания сакрального и, как следствие, – освобождения Человека от страха перед богами, от смерти и боли, примирения его со своим космическим одиночеством. От комедий Аристофана до карикатур *Charlie Hebdo* не так далеко, как может показаться на первый взгляд. Аристофан не глумился, конечно, над Мухаммедом (не исключено, что только потому, что жил за одиннадцать веков до рождения Пророка), но вот Сократ, например (тот еще юморист), был осужден, как мы помним, и приговорен к эвтаназепаму в летальных дозах именно за богохульство¹.

В финальной сцене «Имени Розы» старец Хорхе Бургосский, видевший в сокрытой им² второй книге «Поэтики» Аристотеля главного своего врага, так как в ней якобы безупречно доказана необходимость смеха, говорит, что «невместно уснащать смехотворными рисунками книги, содержащие истины» (главный довод слепца: сам Иисус никогда не смеялся). На что Венанций и Вильгельм отвечают, что «даже у Аристотеля говорится о шутках и словесных играх как о средствах наилучшего познания истин и что, следовательно, *смех не может быть дурным делом, если способствует откровению истин*»; «Аристотель нарочно посвятил смеху вторую книгу своей «Поэтики», и что если философ столь величайший отводит смеху целую книгу, смех, должно быть, – серьезная вещь»³. Смех для Вильгельма связан с миром подвижным, творческим, открытым свободе суждений.

¹ «Сократ повинен в отрицании богов, признанных городом; и во введении новых божественных существ; повинен он и в совращении молодежи. Предлагается смертная казнь», – из обвинительного заключения в деле «Мелет, сын Мелета из дема Питтос, против Сократа, сына Софроникса из дема Алопеки».

² Существование второй части «Поэтики» Аристотеля, посвященной комедии, подвергалось сомнению, но в 1839 году в Париже была открыта рукопись X века, содержащая фрагмент сочинения Аристотеля на эту тему.

³ Хорхе говорит: «Подобно дурным речам, существуют дурные образы - те, которые клеветают на Творца, представляя созданный им мир в искаженном свете, противно тому, каков он должен быть, всегда был и всегда пребудет, во веки веков, до скончания времен»... Но Вильгельм сделал вид, что не замечает колкости: «Рисунки на полях часто смешат, но это в целях назидания, - отвечал он, - Как

Исторически ритуалы карнавала, неотделимого от рынка, городской площади появились в Средневековье параллельно с развитием городского самоуправления, а затем и демократии в Новое время. А фигура шута, которому дозволено высмеивать все, повлияла на традицию просвещенного вольтерьянского скепсиса, из которого родилась французская революция и республика. Карикатура также родилась в горниле религиозных баталий в эпоху Реформации, став орудием протестантов, создававших с помощью печатного станка альтернативную иконографию.

Высмеивание религии, на самом деле, очень часто – средство самоочищения религии. «Карнавальный смех» (о котором много писал Михаил Бахтин в своем знаменитом исследовании о Рабле) – это ведь часто был смех людей, чья жизнь оказалась тесно связанной с религией, хотя идеалов этой религии они вовсе не разделяли. Таков юмор средневековых студентов, которые были вынуждены изучать богословие и схоластику, чтобы сделать заветную карьеру. Они не «глумились» над религией, но давали разрядку той внутренней шизоидности, раздвоенности сознания, которая сопровождает карьеру в подобных случаях. Аналогичные чувства знакомы поколению наших родителей: те, кто поднимался в советских структурах выше уровня уборщицы, обязан был в какой-то степени участвовать в «марксистско-ленинской идеологии». Это рождало отвращение, усталость, сознание своей «гниловатости» – и отчасти компенсировалось пародированием этой идеологии.

Смысл *parodia sacra*, профанации сакрального – в языковой, визуальной и перформативной трансгрессии, работе с запретными темами, образами, словами, нарочитом пренебрежении нормами вкуса и пристойности. В этой зоне смеха впервые появляются карикатуры на Бога-отца, а также смеховое переосмысление всех табуированных и «священных» сюжетов.

в проповедь, чтобы затронуть воображение бессмысленной толпы, надо вводить ехемпра и желательно потешные, так и в беседе образов не следует пренебрегать подобными дурачествами. На каждую добродетель и на каждый грех есть пример в бестиариях, где под видом зверей показан человеческий мир». Вильгельм, вступив в спор с Хорхе по поводу позволительности смеха, говорит: «Этот рассказ, на Ваш взгляд, противоречит здравомыслию, и Вы заявляете, что он смешон. Значит, Вы смеетесь над рассказавшим и меня призываете к тому же: не принимать рассказ серьезно. Вы смеетесь над смехом». Тем самым он ставит Хорхе в положение императора, ставшего историей из-за своей ненависти к истории.

Сакральное, трагичное и комичное всегда идут рядом. Иногда они сплетаются в совершенно невообразимые художественные формы. Можно ли снять комедию про Холокост? Еще как! Последний полнометражный фильм на идиш – польская комедия «Unsere Kinder», снятый в 1947 году, стал неожиданной терапией болевых точек общества, лекарством для людей, переживших Катастрофу, освобождением от травмы через прощение и смех.

Украинское самосознание очень тонко улавливает эти коннотации и переживания. Смеяться, «когда нельзя», – ощущение куда более острое, оргиастическое, нежели смеяться, когда «можно» (и зная, что «можно»). Смех отменяет все социальные конвенции, ускользает от контроля воли, он – стихия, плохо поддающаяся обузданию. Шизофренический конфликт между комическим гением и православной совестью, который буквально загнал в гроб Гоголя, очень хорошо знаком нашей культуре.

Как сказал по этому поводу Митець, *«українці сміються часто-густо над самими собою, що дуже привабливо і симпатично. І це є ознакою їхньої сили й душевного здоров'я»*. Любое разрешение, любое «можно», касающееся смеха, остается для украинского сознания не вполне убедительным. Смеяться, собственно, – нельзя, – но и не смеяться сил никаких нет.

В «Щоденниках» Александра Довженко есть запись от 5 июня 1945 года: *«Пригадую: основна риса характеру нашої сім'ї - насміхались над усім і в першу чергу один над одним і над самим собою. Ми любили сміятись, дражнити одне одного, сміялись у добрі і в горі, сміялися над владою, над богом і над чортом, мали велику любов і смак до смішного, дотепного, гострого. Дід, батько, мати, брати і сестри. Сліз нам випало, проте, в житті багато, більш ніж сміху. І всі ми були добрі до людей. Своєрідність гумору було нашою родинною і національною ознакою...»*

Культуры, допускающие пародию и смех, более устойчивы, поскольку снимают убийственную серьезность бинарных оппозиций, запрограммированных на самоуничтожение. Смех – это спасительный клапан, а бахтинский «карнавал» – это хлопушка, взрыв понарошку, позволяющий избежать куда более глубоких социальных потрясений.

Как известно, «кто смеётся, тот не злится, потому что смеяться – значит прощать». С другой стороны, кто насмехается, тот не простил. Самоирония есть отказ простить себя – самое парадоксальное действие человека. Люди ищут покоя как примирения с собой, прощения себя – и находят этот покой ценой отчуждения от других, дистанцирования от тех, кого нужно простить. Легче уйти, чем примириться. Уйти лучше, чем изгонять, но идеалом остаётся Христос – образец самоиронии и прощения, – Бог, пришедший за *изгнанниками, не желающими возвращаться.*

В описанном контексте тем более удивительно, что свобода смеха – фундаментальный институт современной европейской цивилизации – не нашла своего адекватного воплощения ни в одном международном акте.

На интуитивном уровне абсолютная и нерегулируемая свобода юмора (*чувства юмора*) хорошо познается в сопоставлении с относительной свободой смеха (*свободой выражения юмора*). Эти два фундаментальных права личности соотносятся так же, как поименованные Конвенцией свобода мысли (ст. 9) и свобода выражения (ст. 10). На первый взгляд кажется, что свобода юмора и свобода смеха полностью поглощаются упомянутыми статьями, однако это оказывается справедливо лишь для первой из них. Неудивительно, что свобода юмора не заслужила отдельного поименования в Конвенции, поскольку чувство юмора как форма мышления (или свойство интеллекта) достаточно компактно укладывается в объемную категорию «мысль» (весь чувственный, интеллектуальный и волевой мир человека), которой оперирует девятая статья, и мы можем почти без ущерба для смысла подставить в часть первую этой статьи оборот «чувство юмора»:

«Каждый имеет право на свободу юмора, что включает в себя право иметь свое собственное чувство юмора, отличное от чувства юмора других людей, либо не иметь чувства юмора вовсе, право считать смешным или несмешным что угодно, право избегать проявлений чувства юмора других людей, несовместимых с его чувством юмора.»

Достаточно безобидное такое право получилось. Статью 9¹ дополнительно принимать не нужно. Гораздо сложнее тем же методом встроить в конструкцию

ст. 10 Конвенции свободу смеха как формы выражения уже «урегулированного» нами выше юмора:

«Каждый имеет право свободно шутить и смеяться, иронизировать, насмехаться, иным образом выразить свое чувство юмора. Это право включает свободу получать и распространять юмористическую информацию и юмористические идеи в любой форме и в любом виде без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.»

И хотя полученный посредством такого эксперимента текст по своим юридико-техническим свойствам на голову превосходит последние изменения в Налоговый кодекс, его следует признать неудовлетворительным. Проблема не в вербализации самого права, как это состоялось выше, а в его правовых ограничениях. К свободе смеха уже весьма проблематично применить ограничения, *«предусмотренные законом и необходимые в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка...»* – так, как они понимаются Европейским судом. Доктрины «рынка идей» и «политического процесса» сыграли со свободой выражения злую шутку: политические идеи стали пользоваться значительно более широким иммунитетом от ограничений, чем все остальные. Более того, все чаще охраняемая Конвенцией свобода выражения съезживается до свободы именно политического выражения, вытесняя иные области выражения на периферию, для которой стандарт оценки политических и общественно значимых идей оказывается слишком узким.

В практике Европейского суда государства проигрывали нелепейшие дела, если заявителям удавалось доказать, что их несправедливо ограниченное творчество было *«необходимо для политической дискуссии»*. То есть называние политика идиотом, сжигание национального флага или призывы к свержению правительства существенным образом разнообразят политическую жизнь европейских демократий, а вот изобличение римско-католической доктрины или провокативные изображения Бога-Отца, Девы Марии и Иисуса

Христа в австрийском фильме – нет, поскольку «это не способствует в любой форме общественной дискуссии».

В общем, если разместить дисклеймер *«информация ниже прозвучит исключительно ради утверждения политического дискурса, просьба убрать детей от экранов»*, – дальше можно все: не то что Шуфрича в прямом эфире бить – но даже рассказывать анекдоты о люстрации; но как только дело доходит до общественной морали и религии, то выясняется, что выражение взглядов в этой сфере не должно быть *«безосновательно оскорбительным для других»* (надо думать, что основательно оскорблять можно), если «не представляет собой публичных дебатов относительно дальнейшего прогресса в общественных делах».

В результате данный стандарт, разработанный для свободы выражения взглядов, оказывается драматически неприменим к свободе смеха. И это вполне объяснимо, ведь природа смеха, как мы выяснили, совершенно не укладывается в формат «выражения взглядов». В смехе больше природного животного начала, чем собственно коммуникации и самовыражения.

Я не могу смеяться ради политического дискурса. Над дискурсом – могу. Ради – не получается. Насмешка, ирония и сарказм могут быть (и часто являются) частью политической жизни. Однако они редко направлены в чистом виде на идеалы плюрализма и сбалансирования мнений. Все дело не в **содержании** идей, которые они несут (что важно для общественной дискуссии), а в **форме** их подачи: к любому едкому комментарию или саркастической карикатуре можно предъявить претензию избыточности, – ведь **ту же самую идею** можно было выразить благопристойно, а не в форме адского троллинга! В самом деле, ну не нравятся вам мусульмане, – ну опубликуйте удручающую статистику преступности в арабских районах или аналитическую статью о проблемах социализации выходцев из исламских стран¹ – но пенис-то к

¹ Хотя по нынешним временам такие публикации будут политически некорректны, поскольку косвенно формируют (ошибочное, конечно же) представление, что **все** мусульмане – преступники и не способны социализироваться в европейское общество. В помешанных на политкорректности США пошел уже второй ее виток, когда из публичного оборота устраняется фраза «исламский террорист» как таковая, и вообще слова «ислам» и «террор» в одном предложении стараются не употреблять. «Отставшей» в этом гуманитарном прогрессе Европе все еще мерещится в парижских терактах религиозный и едва ли не цивилизационный конфликт, а слово «фундаментализм» звучит в каждой статье, посвященной Charlie Hebdo.

Мухаммеду зачем пририсовывать? Проблема в том, что эту претензию можно выдвинуть к *любой* шутке, к *любой* иронии, к *любому* сарказму, – даже не имеющим политического или социального звучания. Мы могли бы вообще выражать свои мысли буквально, без насмешек, да и вовсе обойтись без юмора. С точки зрения семантики для человеческой коммуникации они абсолютно излишни. Тем не менее, мы повсеместно шутим и смеемся, и далеко не всегда по-доброму, щадя чувства и психику окружающих. Почему? – Можно было бы ограничиться объяснением в духе «*homo sum*», но тут нам придется разобраться, что же в смехе такого специфически «*humani*».

Как было убедительно показано М. Бахтиным, функция карнавального смеха направлена вовсе не на разрушение существующего символического порядка, а его обновление; не расшатывание нормы, а ее укрепление. Более того, в эпоху постмодерна мы стали нуждаться в этом смехе гораздо сильнее, чем ранее: в условиях уничтожившей взаимодействие культур толерантности свободный от условностей юмор – едва ли не последний способ взаимодействия отчужденных и отгороженных этическими заборами субъектов, групп, цивилизаций. Смех является частью физиологией, частью – социальным ритуалом. Но вместе с тем, это то самое «*humani*», – человеческое, преодолевающее и ритуал, и физиологию, и социальную норму.

Стихия постмодерна – насмешка, ирония, сарказм, пародия, *pastiche*, карикатура, цель которых – перенести претензии благопристойного общества на язык, выражающий их подлинную сущность – язык вульгарности, рекламы, гротеска, TV-шоу, язык *Facebook* и *YouTube*. От насильственного принятия ислама многих нечистивцев спасает, вероятно, лишь узость кругов, в которых они широко известны, и отсутствие среди подписчиков религиозных фанатиков.

В своей работе «Европа. Римский путь» известный французский востоковед и историк культуры Реми Браг выдвигает тезис, что исторический корень европейской цивилизации – Древний Рим, весь творческий заряд и трансформативный потенциал которого состоит в его неизменной открытости. На протяжении тысячи лет незначительное поселение на заболоченном берегу Тибра неудержимо росло и ширилось, вбирая в себя все новые племена и

народы и переплавляя их цивилизационный опыт. По Брагу, специфика Рима-Европы в том, что он постоянно утрачивал свою исходную, «собственную» идентичность, чтобы раствориться в бесконечном этническом и культурном многообразии Средиземноморья. «Быть Европой» в этом смысле означает то же, что *mutatis mutandis* быть Римом – неуклонно выходить за свои границы и культурные коды, растворять свое историческое ядро и изначальный смысл культуры в бесконечности окружающего христианско-иудейского и арабо-исламского мира, сохранять себя и быть собой лишь в процессе утраты себя, в вечном стирании грани между «своим» и «чужим».

«Подлинное значение Рима состоит в передаче определенного содержания, которое не является его собственным, – пишет Браг, – Европа в своей сущности – римская, поскольку все своеобразие, в котором она предстает перед миром, присуще ей в силу ее латинства». Далее следует небесспорный тезис о том, что в силу сказанного римляне (и их европейские преемники) «ничего исконно своего не создали и миру не дали»¹, и вся их культура есть трансфер и рецепция других культур.

Но одно Реми Браг заметил достаточно точно: в последней четверти прошлого века западный мир решил, что с него хватит иллюзорных идентификаций. Любое «мы» – с человеческим лицом или нечеловеческим – рано или поздно перерастало в его глазах в то, другое «мы», глобальное и тотальное. Их убеждал в этом опыт нескольких предыдущих поколений – совокупный опыт общественных движений первых трех четвертей века – от организованного фашизма до организованного антифашизма, от служения идее до служения разведорганам. В ретроспекции этот опыт был подвергнут художественному анализу, который убеждал в том же («Слепящая тьма» Артура Кестлера или «Европа» Ларса фон Триера). И тогда все «мы», все идентификации, все устойчивые деления на «свое» и «чужое» представились как навязанные, угнетающие, опасные. Единственное, что можно было противопоставить – это освобождающую всеобщую относительность, иронию и насмешку.

¹ Юристы тут, конечно, должны схватиться за сердце и припомнить Брагу, как минимум два «исконных» и уникальных изобретения римской цивилизации: а) римское право и б) «легионы, которые несли другим народам свет этого права».

Если это все так, то карикатуристы *Charlie Hebdo* высмеивали ислам, мусульман и Пророка как часть «себя», более широкого контекста «мы», от которого нужно освободиться¹, поскольку это вызывало перманентное напряжение во французском обществе. Неприятие этим обществом не сумевших встроиться в него арабских эмигрантов находило выход в том числе в возмутительных перформансах *Charlie*.

Всякий культ может быть осмеян, и никакой культ, с точки зрения свободы, не может быть защищен от осмеяния. Проблема не в том, что братья Куаши не имели чувства юмора (хотя, скорее всего, не имели) и расстреляли карнавал. Беда в том, что нельзя заставить художника производить только талантливые карикатуры. Будут публиковать всякие и на все темы, – и чем менее таланта, тем более злые! Мы вынуждены мириться и с такими проявлениями свободы смеха – как с крайней необходимостью, наименьшим злом по сравнению с последствиями неизбежной тотальной фрустрации, вызванной накоплением невысказанной и невысмеянной агрессии.

Пережившая эмансипацию от «больших идей» (включая идею Бога) современная европейская цивилизация признает сакральное как условность. «Нет ничего сакрального», в общественном дискурсе оно подвержено деструкции и изъято из него. Сакральной вдруг стала повседневность: человеческая жизнь и здоровье, экология, тишина и спокойствие, собственность, *privacy*, потребление и консьюмеризм, – вся эта обывательская рутинная бытообразность. Кто-то называет это новым поколением прав человека (я уже сбился – которое по счету?): уважение достоинства, право на свободу от авторитетов, право на свой образ (и план) жизни, а также нестандартные предпочтения, право на *diversity*, инакомыслие и инакодействие. Единственное, что естественным путем отвращает сторонников движения за кодификацию этих прав от их передачи под охрану государства – это аллергия на само государство. Вероятно, и Билль о смешных правах как дополнение Конвенции принимать не придется.

¹ По этой причине небезоснователен парадоксальный вывод, что драма в Париже – это не столкновение цивилизаций, а сугубо внутриевропейская, западная история.

Но на одно закрывать глаза невозможно: свобода смеха нуждается в гораздо более деликатном и мягком определении ее границ, нежели это случилось в наши дни со свободой выражения. Идея ограничения свободы смеха «правами других лиц» или «необходимостью общественной дискуссии» прямо противоречит самой сути смеха, его направленности на сверхпреодоление нормы как условности, избавление духа и освобождение человеческого интеллекта от любых догм, авторитетов и страхов. Так что, возможно, и хорошо, что этого права не знает общепризнанная номенклатура прав человека: серьезная правовая дискуссия по этому поводу еще только предстоит, – а до тех пор, по крайней мере, нам никто не запретит смеяться.

*Елена Уварова,
кандидат юридических наук,
Дмитрий Вовк,
кандидат юридических наук
(г. Харьков)*

СВОБОДА СЛОВА И СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: НЕИЛЛЮЗОРНОСТЬ БАЛАНСА

Нет никаких сомнений в том, что расстрел журналистов и правоохранителей в редакции Charlie Hebdo – ужасная трагедия. Терроризм является абсолютным злом. Между тем, эта террористическая атака породила новую волну дискуссий о допустимом соотношении свободы слова и свободы религии, светскости и чувств верующих в западных обществах. И в этом контексте важно подчеркнуть: тот факт, что радикальные группы используют террор, нельзя считать аргументом в пользу снятия с повестки дня проблемы, решение которой не может сводиться к тезису об очевидной ценности свободы слова, не нуждающейся в исключениях (кроме известного запрета кричать «Пожар!» в переполненном театре). Ведь самое неправильное, что мы можем

вынести из случившегося, – вывод о том, что террор – это то, как мусульмане защищают свои права в Европе.

Суть подобных дискуссий (с известной долей упрощения) можно свести к трем основным точкам зрения: либеральной, консервативной и антизападной. Либералы утверждают, что свобода слова священна, и каждый может выражать свои мысли и убеждения, как считает нужным, даже если это связано с жесткой критикой религиозной или иной моральной системы. Консерваторы считают, что религиозный экстремизм – следствие мультикультурности и чрезмерной терпимости, культивируемой в европейских странах. Если бы европейцы не были так толерантны к другим культурам, более жестко и последовательно отстаивали свои ценности, не потакали мигрантам из незападных стран, то таких проблем не было бы. Антизападники говорят о том, что европейцы сами провоцируют расправы над журналистами, политиками и деятелями искусства, равно как и терроризм как таковой, поскольку игнорируют традиции других народов (конечно, угнетенных и обиженных европоцентризмом и колониальным прошлым), а также отказываются понимать религиозные убеждения мусульман.

Аналогичные споры о соотношении свободы слова и свободы религии, об отношениях между Западом и мусульманами, о месте религии в либеральных демократиях в целом имели место после датской саги о карикатурах на пророка Мухаммеда и убийств политика Пима Фортейна и режиссера Тео ван Гога, снявшего фильм «Покорность» о насилии над мусульманскими женщинами. Однако нельзя не заметить, что теперь преобладают несколько иные настроения. Давайте вспомним, как развивались события, когда датская газета Jyllands-Posten в сентябре 2005 года опубликовала 12 карикатур на Пророка Мухаммеда.

Предысторией к публикации послужило то, что датский писатель Коре Блюйтген написал популярную книгу об исламе для детей, однако не смог найти ни одного художника, который согласился бы без условия сохранения анонимности нарисовать к ней иллюстрации. В качестве реакции на такую ситуацию в газете была опубликована статья о самоцензуре, свободе слова и несвязанности немусульман исламским священным писанием. Иллюстрациями

к данной статье послужили те самые 12 карикатур, нарисованные двенадцатью разными людьми¹. Их публикация повлекла за собой целую серию событий, теперь известных как карикатурный скандал, или кризис.

Именно тогда в аспекте «кризисных карикатур» были подняты вопросы о соотношении между свободой самовыражения, с одной стороны, и правом на свободу вероисповедания и религии, с другой, о возможности нахождения неиллюзорного баланса между двумя названными ценностями, о допустимости ограничений свободы самовыражения, и в частности свободы творчества, по религиозным мотивам, о том, что считать пропагандой религиозной ненависти, подстрекательством к дискриминации, вражде или насилию?² Тогда же были озвучены мысли по поводу того, что карикатуры, как бы там ни было, стали достоянием общественности и могут служить средством нанесения обиды на десятилетия вперед, а люди исламского вероисповедания пострадали от оскорбления, нанесенного их вере, возможно, куда сильнее, чем если бы обида была нанесена им самим. И в то же время, нельзя отказаться от понимания того, что сами религии (или их толкователи) не могут выступать арбитрами в решении вопросов о том, что может быть высказано и что нет, иначе это налагало бы значительные ограничения на общественный дискурс.

Основной лейтмотив после событий 2005 года звучал так: вопрос о свободе слова, мысли, самовыражения и свободе религии следует рассматривать с точки зрения баланса и взаимодополняемости конкурирующих прав. Модель такого баланса не может быть навсегда установленной и неизменной, она не может не зависеть от исторического контекста, культуры и традиций, иной специфики конкретного общества³. Защита мирного сосуществования в современных мультикультурных обществах требует баланса

¹ Позже Флемин Роуз как культурный редактор газеты в качестве объяснения публикации, в частности, говорил о том, что мусульмане оказались лишь в выигрыше от публикации карикатур. Тем самым было проявлено такое же отношение к исламу, как и к другим религиям – христианству, буддизму, индуизму и другим религиям. Мусульманам таким образом, по мнению Флемин Роуз, было направлено сообщение о том, что «они являются частью нашего общества, что они не чужие».

² Mohamed Saeed M. Eltayeb. The Limitations on Critical Thinking on Religious Issues under Article 20 of ICCPR and its Relation to Freedom of Expression // Religion and Human Rights. – 2010. – № 5. – P. 120.

³ Там же. P. 121.

между свободой выражения мнений и свободой религии и, следовательно, неразжигания расовой или религиозной ненависти¹.

Инцидент 2005 года привел к принятию целой серии различных документов в ООН и в европейских институтах, в которых в частности нашли отражение следующие позиции:

- в ответ на публикацию карикатур на Пророка Мухаммеда в средствах массовой информации в некоторых странах, начиная с конца 2005 года, Специальные докладчики ООН по вопросам о свободе религии или убеждений, о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, а также по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости отметили, что «мирное выражение мнений и идей, устно, через прессу или другие СМИ, всегда должно быть терпимым. У прессы должна быть большая редакционная свобода по содействию свободному потоку новостей и информации, в пределах национальных границ, что тем самым обеспечивает арену для дискуссий и диалога. Тем не менее, использование стереотипов и штампов, оскорбляющих глубоко укоренившиеся религиозные чувства, не способствует созданию атмосферы, благоприятной для конструктивного и мирного диалога между различными общинами. Специальные докладчики призвали все стороны воздерживаться от любых форм насилия и избегать эскалации ненависти. Они также призвали государства обеспечить взаимосвязанный и неделимый характер прав и свобод человека и выступили за использование средств правовой защиты, а также мирный диалог по вопросам, которые находятся в центре всех мультикультурных обществ» (п. 38)²;

- представители средств массовой информации, а также общество в целом, должны осознавать то потенциальное воздействие, которое идеи, ими распространяемые, могут оказывать на культурные и религиозные чувства. Распространение нетерпимости и дискриминационных взглядов, в конечном счете, приводит к конфликтам и не способствует реализации прав человека.

¹ The Report of the UN Special Rapporteur on Contemporary Forms of Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance, Mr. Doudou Diene, UN Doc.A/HRC/6/6, pp. 16–17.

² Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development / Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief, Asma Jahangir // <http://www.strasbourgconsortium.org/docs/20%20July%202007.pdf>.

Объединениям средств массовой информации и ассоциациям журналистов, в сотрудничестве с национальными и международными организациями, следует организовывать регулярные учебные программы для работников СМИ по правам человека в целях повышения профессиональной этики и чувствительности к культурному разнообразию (п. 84)¹;

- такая практика, как стереотипы и оскорбления этнических, национальных, социальных или религиозных групп, имеет серьезные и разрушительные последствия для развития диалога между различными общинами и их совместной жизни (п. 64)²;

- реализация свободы выражения мнений представителями СМИ требует от них здравого смысла, разумности и чувства ответственности. <...> Поляризация мнений может усилить этническую и религиозную ненависть, тем самым ставя под угрозу зыбкое социальное и культурное равновесие и гармонию мультикультурного общества (п. 45)³;

- независимые СМИ, ассоциации средств массовой информации должны проявлять бдительность при использовании форм выражения, характеризующихся диффамацией религий и дискриминационными коннотациями в отношении этнических и других уязвимых групп населения. Неразборчивое использование стереотипов по отношению к женщинам, меньшинствам и другим группам населения, особенно мигрантам и лицам, ищущим убежища, ставит под угрозу общественную дискуссию. Эти формы выражения также оказывают негативное влияние на качество журналистики <...>. В связи с этим ассоциации СМИ должны систематически организовывать подготовку по вопросам прав человека, при необходимости с помощью соответствующих органов ООН и других экспертных организаций, для своих членов в целях повышения профессиональной этики и знаний в области прав

¹ Human rights council seventh session agenda item 3 promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development / Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Ambeyi Ligabo // <http://www.strasbourgconsortium.org/docs/28%20Feb%202008.pdf>.

² Там же.

³ Human rights council fourth regular session item 2 of the provisional agenda implementation of general assembly resolution 60/251 of march 2006 entitled "human rights council" / Report of the special rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Ambeyi Ligabo // <http://www.strasbourgconsortium.org/docs/2%20Jan%202007.pdf>

человека. Ассоциации СМИ должны также обеспечить, чтобы наиболее чувствительные социальные вопросы постоянно обсуждались на профессиональных форумах (п. 78)¹.

Тогда же было сделано совместное заявление Генерального секретаря ООН, Генерального секретаря Организации Исламского Сотрудничества и Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности: «Мы полностью придерживаемся права на свободу слова. Однако мы понимаем глубокую боль и возмущение, которые почувствовал мусульманский мир. Мы считаем, что свобода прессы влечет за собой ответственность и осмотрительность, и должна уважать убеждения и принципы всех религий»².

Кроме того, после резонанса 2005 года в повестку дня международного права прав человека снова вернулся вопрос о создании механизмов по предупреждению диффамации религии. Никто не отрицает, что главной движущей силой в этом вопросе выступила Организация Исламского Сотрудничества, давно настаивавшая на том, что существующая международно-правовая база не может в достаточной мере в современном мире обеспечить баланс между свободой слова и защитой религии: недостаточно защищать религиозные чувства – напрямую должна быть защищена религия от оскорбления. Данные меры осуществлялись одновременно с попытками мусульманских объединений получить от международных судебных институций решение, дающее правовую оценку карикатур. Но и Европейский суд по правам человека, и Комитет ООН по правам человека отклонили соответствующие заявления по процессуальным основаниям.

Тем не менее, диффамации религии был посвящен целый ряд документов, принятых в рамках структур ООН. Однако международное право не отказалось от своей давней позиции, согласно которой защите подлежат права человека, а не религии либо иные убеждения. Несмотря на то, что от инициативы установления международных стандартов защиты религии от диффамации отказались (и на данный момент царит как будто всеобщее понимание ее

¹ Там же.

² Aurel Sari. The danish cartoons row: re-drawing the limits of the right to freedom of expression? // UN Doc. SG/2105, 7 February 2006.

некорректности и несоответствия доктрине прав человека в целом), тем не менее, сама постановка вопроса в подобном ключе лишний раз свидетельствует, что отношение к датским карикатурам в мире либеральной демократии было несколько иным, нежели к карикатурам Charlie Hebdo. Но делает ли тот факт, что на редакцию была совершена террористическая атака, «карикатуры хорошими»¹? И выступает ли это достаточным основанием для того, чтобы пересмотреть понимание толерантности?

Именно включенность обсуждаемого нами сегодня вопроса в гораздо более широкий контекст проблемы толерантности в либеральных демократиях делает его таким сложным. Известно, что свобода сопряжена с рисками. Поэтому сама же свобода призывает нас толерантно относиться к тому, к чему мы можем испытывать отвращение или даже ненависть, что может подрывать нашу веру в Бога, страну или все человечество. Глобализация, обеспечивающая быстрый доступ к любой информации, независимо от границ и культур, приводит к тому, что люди, придерживающиеся разных взглядов на мир, имеющие разные убеждения и разную веру, живут в гораздо большей близости друг к другу, что делает необходимость терпимости еще более острой.

Практически все либеральные демократии сталкиваются в той или иной степени с этнокультурным разнообразием. Они все могут быть описаны как «мультикультурные»², в том числе с точки зрения религиозного многообразия. Считается, что идея толерантности возникла в XVII веке именно как ответ на религиозные конфликты. Однако если тогда, как утверждает Л. Цукка, это были конфликты, в основе которых – теологические разногласия, то теперь – это религиозные конфликты, обусловленные политическими противоречиями. Это конфликты, возникающие в связи с вопросом о том, может ли верующий человек привнести свою религию в публичную сферу в связи с необходимостью согласовывать с ней свое поведение – в школе, в парламенте, в суде, на улице. Религиозный плюрализм долгое время не был характерен для

¹ In the Wake of Charlie Hebdo, Free Speech Does Not Mean Freedom From Criticism by Jacob Canfield // <http://www.hoodedutilitarian.com/2015/01/in-the-wake-of-charlie-hebdo-free-speech-does-not-mean-freedom-from-criticism/#sthash.PN5GLweO.dpuf>.

² Will Kymlicka, Raphael Cohen-Almagor. Democracy and Multiculturalism / in Challenges to Democracy: Essays in Honour and Memory of Isaiah Berlin, by ed. R. Cohen-Almagor. – London : Ashgate Publishing Ltd., 2000. – P. 89.

Европы. Да и сейчас многие государства Европы сохраняют достаточно однородные общества. Однако времена меняются и многообразие, в том числе религиозное, заметно растет¹.

Возникает большое количество вопросов. Среди них – вопрос о том, как либеральные государства должны реагировать на случаи, когда иммигранты, культурные или национальные меньшинства требуют для себя «право» на защиту своих исторических обычаев, ограничивающих основные гражданские свободы представителей таких групп? Простой задачей для либеральных государств является удовлетворение потребностей, которые сами по себе являются либеральными. Однако некоторые меньшинства хотят иметь возможность отказаться от либерализма, и организовывать свою жизнь согласно своим традициям. Не является ли это частью того, что составляет культурное отличие и что либерализм взятся защищать? Что если, к примеру, представители меньшинства, утратив возможность следовать традиционным гендерным ролям, лишатся части того, в чем заключается для них смысл существования (*raison d'être*)? В самом деле, разве не является крайней нетерпимостью попытка заставить национальное или религиозное меньшинство организовать свою жизнь в соответствии с «нашими» либеральными принципами?² Эти сложные вопросы порождают конфликты не только между либералами и нелибералами, но и во многом внутри самого либерализма.

Вот и теперь парижская трагедия многих либералов заставила осудить ислам, провозгласив Charlie Hebdo практически Checkpoint Charlie западной цивилизации. Консерваторы вспомнили о недальновидной миграционной политике, окружившей Париж арабскими предместьями. А антизападники всех мастей с чувством глубокого удовлетворения принялись либо оправдывать террористов, которые якобы просто ответили на многократное попрание своих святынь. Такие дебаты являются игрой с нулевым результатом, ведь в их результате не предлагаются практические решения, позволяющие выйти из образовавшегося тупика.

¹ Lorenzo Zucca. Tolerance or Toleration? How to Deal with Religious Conflicts in Europe / Lorenzo Zucca // <http://ssrn.com/abstract=1592425>.

² Will Kymlicka, Raphael Cohen-Almagor. Democracy and Multiculturalism / in Challenges to Democracy: Essays in Honour and Memory of Isaiah Berlin, by ed. R. Cohen-Almagor. – London : Ashgate Publishing Ltd., 2000. – P. 89.

Те, кто настаивает, что существует строгая непреодолимая дихотомия, выражающаяся в терминах «столкновение цивилизаций» и в конфликте фундаментальных ценностей, отказываются от поиска компромисса. Эти ценности, по их мнению, являются столь глубоко укоренившимися и даже священными для каждой из цивилизаций, что не может быть никакого диалога как необходимого условия для его поиска. Другими словами, в рамках такого подхода каждая сторона занимает фундаменталистскую позицию – будь то светско-либеральную или исламистскую. Ведь принято считать, что западная демократия исходит из того, что нет ничего святого, когда речь заходит о свободе слова. Ничего – ни религия, ни патриотизм или даже семья – не находится вне критики, вплоть до комического презрения. Иначе говоря, нет ничего в жизни, в чем можно быть абсолютно уверенным, ведь именно оно может стать предметом обсуждения на рынке идей¹. Здесь также нельзя не вспомнить о ценности самовыражения, праве автономной личности высказывать любые свои мысли, просто потому что демократия должна признавать такую возможность, если хочет называться таковой.

Проблема, однако, в том, что фундаменталистская риторика не позволяет ни одной из сторон посмотреть на проблему в ином свете: с точки зрения возможности ограничения своих собственных ценностей и прав, установления для них исключений, которые могли бы обеспечить пространство для диалога о примирении и включенности в демократическом плюралистическом обществе.

Кроме того, здесь постоянно смешиваются две абсолютно разные проблемы: борьба с экстремизмом и терроризмом, в том числе и исламским, и взаимоотношения светского общества с религией, в частности с исламом.

Еще раз подчеркнем: терроризм не имеет оправдания. Никакие мировоззренческие споры не решаются с помощью автомата, и никакая вера не насаждается с помощью тротиловой шашки. Однако автомат держат конкретные люди, в том числе и те, что пришли в редакцию Charlie Hebdo, а не религия как таковая. И к ответственности должны привлекаться конкретные люди или организации, а не вера или убеждения.

¹ Ronald K. L. Collins Comedy and Liberty: The Life and Legacy of Lenny Bruce // Legal Studies Research Paper. – 2013. – № 79. – P. 66.

Во взаимоотношениях европейских обществ и ислама не все так просто, как кажется на первый взгляд. Европейские демократии – светские, а это означает в том числе, что все религиозные объединения, соблюдая демократические требования, могут свободно развиваться, а граждане вправе рассчитывать на уважение к своим религиозным убеждениям (если последние не связаны с нарушением норм права, и в первую очередь прав человека). Европейские демократии также утверждают и охраняют свободу слова, полагая ее практически абсолютной.

Тем не менее, мысль о том, что любой конфликт религии и свободы слова, должен решаться в пользу последней – достаточно спорна. Практика Европейского суда по правам человека знает противоположные примеры. Так, в деле «Институт Отто-Премингер против Австрии» суд признал правомерными действия австрийских властей, изъявших из показа фильм, в котором Иисус вступал в сговор с дьяволом о наказании человечества сифилисом. В деле «Уингроу против Соединенного Королевства» было принято аналогичное решение в связи с запретом проката фильма, в основе сюжета которого – сексуальные фантазии на тему Иисуса. А в деле «И.А. против Турции» Суд назвал повесть с кощунственными комментариями о пророке Мухаммеде «агрессивной атакой на исламского пророка». Да и в целом, Европейский суд, который ради «открытых межчеловеческих отношений, являющихся необходимым элементом общественной жизни» недавно (в деле С.А.С. против Франции) признал приемлемым запрет на ношение исламского платка в общественном месте, вполне мог бы признать, что открытые межчеловеческие отношения не предполагают оскорбление чувств других людей.

Европейский суд допускает, что в наиболее радикальных, оскорбительных для верующих и их чувств ситуациях, государство может ограничивать реализацию свободы слова. Какие же ситуации следует считать таковыми?

Британский профессор философии права Дж. Летсас пишет о том, что оскорбительными являются высказывания, которые не содержат информации, не стремятся дать информацию и не воспринимаются как информативные в

рамках любых продолжающихся публичных обсуждений¹. Выстраивание в один смысловой ряд Христа и сифилиса, сжигание Корана или изображение вытирания ног о религиозное изображение – именно такие высказывания. Они ничего не привносят в обсуждение места религии в обществе, правильности или неправильности религиозных предписаний, проблем религиозного экстремизма и способов его преодоления. Они нацелены лишь на демонстрацию ничтожности и абсурдности религиозных убеждений и самой религии.

Безусловно, есть много оттенков религиозной критики, большую часть которых охватывает право на свободу слова и творчества. Фильмы «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе или «Догма» Кевина Смита, панк-молебен Pussy riot породили немало споров, однако то, что их общественный посыл не направлен лишь на оскорбление чувств верующих, представляется нам не требующим доказательств.

В то же время тот, кто думает, что любой подобный акт насмешки или брани в адрес религии однозначно правомерен и допустим в светском обществе, подобен курильщику на бочке с бензином. Религия – не просто набор предписаний и культовых практик. Религия – это картина мира, содержащая для верующего ответы на наиболее важные жизненные вопросы, как писал Ю. Хабермас, способ опосредования жизненной формы в целом. И такие ответы значат для религиозного человека гораздо больше, чем его политические взгляды или эстетические пристрастия. Религия тем ценна для человека, что она является частью его идентичности.

Не понимать этого – значит закрывать глаза на проблему. Последнее, может быть, успокаивает, но не добавляет светскому обществу толерантности, а сидящему на бочке с бензином – безопасности. Сегодня часто звучит очень красивая и во многом правильная мысль: «Смеются не над пророком, а над тем, как слово пророка используется фанатиками, как из буквы учения происходит насилие над инакомыслием». Но, во-первых, такая постановка вопроса сразу задает некоторое превосходство европейца над мусульманином (европейца в

¹ 'Is there a Right not to be Offended in one's Religious Beliefs?' in Lorenzo Zucca (ed) // Law, State and Religion in the new Europe: Debates and Dilemmas. – Cambridge University Press, 2012.

культурном смысле, а не по происхождению). И во-вторых, если кто-то считает, что поиск истины в такой способ (даже если действительная цель была не обидеть, а указать на глупость фанатиков) является для него оскорблением, унижает его достоинство, то почему бы не задуматься над этим?

Важно также понимать, что религии и религиозные общины не одинаковы. Одно и то же действие может вызывать разные эмоции и реакции у представителей различных верований. Когда в 80-е годы XX века карикатурист Жак Эффель создал книгу «Сотворение мира», где карикатурно изображались христианский Бог, акт творения, Адам, Ева и т.п., Ватикан осудил только одну карикатуру, и то по сугубо догматической причине: на ней изображался Бог, создающий лилицу, и рядом дьявол, конструирующий моль. Ватиканские богословы сказали, что дьявол не может рассматриваться как творец чего-либо. Подобные карикатуры на Мухаммеда или Аллаха объективно задевают мусульманина гораздо сильнее, чем христианина. Это не дает мусульманам права на акты агрессии и насилия, но подобные моменты нужно иметь в виду, определяя реакцию государства на те или иные публикации или перформансы. Любые конфликты в сфере религии должны решаться цивилизованно, что означает, например, проведение переговоров и обращение в суд.

Простого рецепта решения данной проблемы нам не изобрести, как бы ни хотелось действовать согласно точным, почти математическим, формулам. И всё же в неких отправных точках нужно определиться:

1. *Признание отсутствия иерархии в соотношении таких фундаментальных ценностей как свобода слова и свобода религии*¹. Принципы универсальности, неделимости и взаимозависимости прав человека предполагают, что права человека осуществляются в условиях, где права *сосуществуют* друг с другом. Сосуществование прав не только предполагает, что их осуществление следует рассматривать в ограничительном смысле в

¹ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Expert seminar on the links between articles 19 and 20 of the International Covenant on Civil and Political Rights “Freedom of Expression and Advocacy of Religious Hatred that Constitutes Incitement to Discrimination, Hostility or violence” (Geneva, 2-3 October 2008).

связи с необходимостью реализации других прав, но также подразумевает основополагающее значение понимания взаимозависимости прав человека¹.

В этом контексте реализация свободы религии требует обеспечения и защиты других свобод, включая свободу выражения мнений и свободу собраний и ассоциаций. При этом право на свободу религии не защищает религию или иные убеждения как таковые. «Право на свободу религии и убеждений, как это закреплено в соответствующих международных правовых нормах, не включает в себя право на религию или убеждения, которые свободны от критики или насмешек. Иными словами, свобода религии в первую очередь дает право действовать в соответствии с той или иной религией, но не гарантирует верующим, что их религия будет защищена от каких бы то ни было неблагоприятных комментариев. Тем не менее, это не означает, что защита религиозных символов от оскорблений и клеветы не подпадают под действие права на свободу религии.

Таким образом, на первый план должен выходить не конфликт ценностей, а их взаимозависимость и взаимодополняемость, а значит – необходимость поиска баланса.

2. *Свобода слова, безусловно, не является абсолютной.* Прямо говорят об этом ст. 19, ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Конвенции о защите прав и основоположных свобод. В установлении соответствующих ограничений признается достаточно широкая свобода усмотрения государства. Данная позиция обусловлена отсутствием единой европейской концепции в рассматриваемых вопросах.

К слову, история разработки ст. 19 Всеобщей декларации прав человека показывает, что один из ее проектов предусматривал ограничение свободы выражения мнений в виде запрета на «публикацию и распространение в иной способ в средствах массовой информации мнений, имеющих целью или способных причинить вред либо подстрекающих к предубежденности либо ненависти в отношении лиц или групп на основании их расовой

¹ The Report of Special Reporter on Freedom of Religion or Belief, Mrs. Asma Jahangir and Special Rapporteur on Contemporary Forms of Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance, Mr. Doudou Diene UN Doc.A/HRC/2/3. – P. 10.

принадлежности, языка, религии или национального происхождения»¹. В окончательный текст эта оговорка, однако, не вошла².

Следует отметить, что Европа и США выбрали в данном вопросе разные стратегии. Так, если говорить о США, то считается, что до 1960-х годов в США существовала модель иммиграции, согласно которой иммигранты должны были ассимилироваться с существующими культурными нормами, и, со временем, стать неотличимыми от уроженцев страны в своей речи, одежде, досуге, кухне, размере семьи, и так далее. Однако, начиная с 1970-х годов, широкое признание получил вывод о том, что такая модель – модель ассимиляции – является нереализуемой и несправедливой. США приняли более терпимый, или «мультикультурный», подход, который позволяет иммигрантам поддерживать различные аспекты их этнического наследия. Иммигранты могут свободно придерживаться своих старых обычаев, касающихся питания, одежды, отдыха, религии, и объединяться друг с другом, чтобы сохранять эти практики. Такое поведение уже не получает оценку «непатриотичного» или «противоамериканского».

Кроме того, американцы крайне осторожно относятся к наделению государства полномочиями по ограничению свободы слова. Они не доверяют государству. Это привело к формированию американской традиции так называемой самоцензуры в СМИ. По признанию многих, именно самоцензура помогла сделать Америку одним из самых гармоничных многонациональных и многоконфессиональных обществ³. Данная традиция ярко себя проявила, когда СМИ в США в основной своей части отказались опубликовать карикатуры на Пророка Мухаммеда. Так было в 2005-2006 году, так случилось и теперь, в 2015 году.

¹ Press Should Not be Free to Spread Race Bias (Excerpt from a statement to the Sub-Committee on Freedom of Information and of the Press by Dr. Maurice Halperin, Secretary of the Coordinating Board of Jewish Organizations, delivered January 21, 1948).

² Morsink J. The Universal Declaration of Human Rights: Origins, Drafting, and Intent / Johannes Morsink. – University of Pennsylvania Press, 2000. – P. 67.

³ When cartoons are the news / Artists confront issue of how to address protests sparked by Muhammad's image

Heidi Benson, Chronicle Staff Writer // <http://www.sfgate.com/politics/article/When-cartoons-are-the-news-Artists-confront-2505132.php>.

Европа пошла другим путем. Прежде всего, в европейских государствах достаточно много законов, запрещающих высказывания, разжигающих ненависть либо отрицающих Холокост¹. Однако высказывания могут быть разными, а потому и отношение государства к ним будет неодинаковым. В наиболее общем виде можно выделить три группы форм выражений: 1) те, которые квалифицируются как преступления (многие страны Европы ввели в свое законодательство соответствующие нормы; на этот счет также есть Рамочное решение Европейской комиссии от 28 ноября 2008 года по борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права); 2) формы выражения, которые не являются уголовно наказуемыми, но могут стать предметом гражданского иска; и 3) формы выражения, которые не влекут ни уголовной, ни гражданской ответственности, однако могут выступать предметом обеспокоенности с точки зрения терпимости, корректности и уважения к религии или убеждениям других людей.

3. Основные опасения, как правило, связаны с тем, что *ограничение свободы слова в интересах защиты религии может поставить под угрозу само право, поскольку предполагает довольно широкие дискреционные полномочия государства*². История знает слишком большое количество примеров, когда новые идеи, теперь составляющие неотъемлемую часть современной жизни, первоначально признавались неприемлемыми и преследовались государством³.

Однако угроза злоупотреблений государства не должна приводить к отрицанию необходимости ограничений свободы слова. При этом само государство, кроме всегда существующего контроля со стороны гражданского общества, подлежит действию давно выработанных, в первую очередь, Комитетом ООН по правам человека и Европейским судом по правам человека,

¹ При чем в общественном дискурсе присутствует мысль, что Холокост – не предмет не только для отрицания или насмешки, но и юмора. В феврале 2015 года Центр Симона Визенталя потребовал запретить посвященную Холокосту выставку в музее эстонского города Тарту, где предлагалось взглянуть на Катастрофу с «юмором и иронией».

² Temperman J. State–Religion Relationships and Human Rights Law Towards a Right to Religiously Neutral Governance / Jeroen Temperman, 2010. – 382 p.; The Human Rights Committee's Concluding Observations, e.g.: A/48/40 (1993), paras. 587 and 607 (Ireland).

³ Let Charlie Be Charlie / Eric B. Schnurer is president of Public Works LLC, a national public policy consulting firm advising state and local governments // <http://www.usnews.com/opinion/blogs/eric-schnurer/2015/01/16/were-not-all-charlie-hebdo-but-we-all-need-free-speech>.

требований к ограничению прав и свобод: такие ограничения не должны ставить под угрозу само право; государство должно обосновать их необходимость в демократическом обществе; они должны быть предусмотрены законами и преследовать легитимную цель; вводимые ограничения должны быть пропорциональными.

Именно поэтому когда заходит речь о соотношении свободы слова и свободы религии, часто подчеркивается особое значение независимой судебной системы – ведь именно на ее плечи ложится задача оценить, насколько добросовестно государство выполнило приведенные выше требования, устанавливая соответствующие ограничения.

4. *Понимание чуждости для мусульман судебных и иных юридических механизмов.* Возможно, в некоем идеальном мире ответом на обидные карикатуры становятся другие обидные рисунки. Ответом на книгу, которая вызывает гнев, выступает отказ от ее прочтения. Реакцией на фильм, который оскорбляет те или иные чувства, может быть его бойкот¹. Кроме того, для европейца является самоочевидной вещью, что каждый считающий свои права нарушенными и чувства оскорбленными может искать защиты в суде.

Но проблема ислама в Европе, возможно, еще и в том, что его приверженцы крайне редко готовы отстаивать свои права в суде. Именно потому что возможность отстоять свое право в суде не является исламской ценностью. Должно ли вмешиваться государство, если сам якобы страдающий о нарушениях своих прав не заявляет об этом с помощью предусмотренных юридических механизмов? На данном этапе развития общества считаем, что да. Под контролем гражданского общества, но должно. Тут возможна параллель с преодолением общественных стереотипов в отношении социальной роли женщины, места в обществе афроамериканцев и т.д.: государство не заявляло о своей нейтральности и не предлагало ограничиться предоставлением указанным социальным группам общего набора правовых возможностей. Этот опыт совсем недавний и он стоит перед глазами западного мира, который

¹ JeSuisCharlie? No, I'm really not Charlie Hebdo: Here's Why / Sandip Roy // <http://newamericamedia.org/2015/01/jesuischarlie-no-im-really-not-charlie-hebdo-heres-why.php>.

почему-то не хочет им воспользоваться для решения проблемы мусульман в Европе.

Проблема, как представляется, усугубляется еще и тем, что в тех редких случаях, когда мусульмане все же обращаются в суд, то они, как правило, получают отказ. Редакция Charlie Hebdo в 2008 году газета выиграла судебный процесс по иску от представителей мусульманских общин, возмущенных перепечаткой карикатур на Пророка Мухаммеда. В редакции тогда объясняли, что еженедельно публикуют множество провокационных материалов на различные темы, однако резко негативную реакцию вызывают только карикатуры на Пророка.

5. Но всё же основное: столь сложные проблемы не решить, рассматривая право в качестве простого надзирателя или инструментальной силы в политике мультикультурализма¹. *Право, если продолжать мысль Л. Цукки, должно быть элементом политики толерантности, выступающей частью повседневной жизни.* В то же время, ее реализация может быть затруднена из-за существования укоренившихся предрассудков и страхов, основанном на них недопонимании других людей. Взаимное знание рассеивает предрассудки, поэтому абсолютно необходимо развивать и поощрять практику толерантности. Если страх переполняет нас, то он одновременно омрачает наш разум. Мы отказываемся знать предмет наших страхов. Это касается мусульманских меньшинств в Европе. Многие рассматривают их как угрозу Европе и именно так изображают их в средствах массовой информации. Результатом становится безграничное противление отдельным либо всем проявлениям поведения данного меньшинства. В большей своей части такая реакция основана не на знаниях, а на стереотипных представлениях. Возникает фобия – систематический страх в отношении лиц или объектов, который уже укоренился и не может быть преодолен с помощью обычного познавательного процесса. Сегодня в Европе широко распространена исламофобия, то есть систематический страх в отношении религиозного меньшинства, который

¹ Benjamin L. Berger. The Cultural Limits of Legal Tolerance / Benjamin L. Berger. – The Canadian Journal of Law and Jurisprudence. – 2008. – Vol. XXI, №. 2. – P. 245.

противопоставляет его светскому западному обществу. И простого выхода из этой почти тупиковой ситуации нет¹.

Право может способствовать толерантности и здоровой среде в разных направлениях. Среди них – оно может и должно *стимулировать взаимное знание, предоставляя платформы культурного обмена*, начиная с начального образования, где можно узнать о религиозных различиях. Завершает свои размышления Л. Цукка следующим тезисом. Общество, которое приковано к конфликту и истерии, будет способно продуцировать лишь те законы, которые не нарушит большинство. Как следствие, меньшинство будет заглушено и подавлено. И наоборот, общество, рассматривающее конфликты в качестве возможности принятия участия в дальнейшем обмене знаниями друг о друге, будет сильным и стабильным, ему будет гораздо легче не распасться на части.

Право тут не должно опустить руки и не может сослаться на то, что это за пределами его регулирования. Действительно, праву не по силам разрешить дилемму, но оно может помочь смягчить ее негативные проявления. И важно помнить, что решение на основании права – это всегда конвенция; и всегда существует риск, что право будет отдавать приоритет религии или мировоззрению большинства и это утвердит ее/его господство навсегда. Поэтому *основная задача права – найти баланс*. Его нельзя рассчитать, но можно контролировать. И еще одно важное, на наш взгляд, замечание, сделанное К. Энгелем: «Если строгое следование правовым принципам таит в себе угрозу протеста, то власть может действовать более осторожно. Она может начать с установления принципа и предоставления исключений на некоторое время, объявив, что постепенно регулирование станет строже. Если сообщество уже значительно продвинулось на пути к толерантности, власть может навязывать более тщательный контроль»². Иначе говоря, мы должны признать, что нет универсальной модели поиска необходимого баланса. Общество может

¹ Яркое тому подтверждение – высказывания в соцсетях, причем часто от юристов, сводящиеся к тому, что мусульмане являются выходцами из стран, где законом установлены наказания в виде избияния камнями, лишения конечностей и т.д., где уголовными преступлениями считаются употребление спиртного и азартные игры. «Сегодня они расстреляли людей за карикатуру, а завтра отрежут нос жене за прелюбодеяние. Это явления одного порядка».

² Engel Ch. Law as a Precondition for Religious Freedom. – Preprints of the Max Planck Institute for Research on Collective Goods. – Bonn 2011/6. – 21 p. // http://www.coll.mpg.de/pdf_dat/2011_06online.pdf.

использовать разные модели, в том числе «делку с религиозными общинами», если они готовы обеспечить автономное регулирование определенных сфер жизни не на основании государственного, а на основании религиозного права. И если в обществе есть конфликт, в первую очередь между большинством и меньшинством, то надо искать временный компромисс, а не настаивать на неукоснительном следовании общей модели регулирования.

6. *Важная роль гражданского общества.* «Правительство, которое рассматривает себя в качестве тонкой линии между гражданским обществом и яростным расизмом, лишено веры в свой народ»¹. Профессиональные и саморегулирующиеся организации играют важную роль в повышении осведомленности общества о его разнообразии, решении спорных вопросов межкультурного диалога, в том числе нравственного, художественного, религиозного или иного характера. Благоприятная среда должна обеспечиваться путем содействия добровольному развитию механизмов саморегулирования, в том числе в сфере СМИ (советы по делам прессы, профессиональной этики и т.п.). Должны разрабатываться учебные программы, способствующие лучшему пониманию вопросов, связанных с расизмом и дискриминацией, поощряющие терпимость в обществе. Кроме того, внутренние кодексы поведения представителей СМИ как механизм саморегулирования могут запрещать использование оскорбляющих стереотипов, ненужных ссылок на расу, религию и связанные с ними атрибуты.

Цивилизованное решение предполагает разумный компромисс, а не победу религии или над религией. И в этом – действительная толерантность.

¹ Tom Switzer, Nicole Hemmer. Charlie Hebdo Hypocrisy: offensive speech demands scrutiny, not censorship // <http://www.smh.com.au/comment/charlie-hebdo-hypocrisy-offensive-speech-demands-scrutiny-not-censorship-20150119-12t5m4.html>.

*Елена Харитонова,
кандидат юридических наук (м. Харків)*

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В «ШАРЛИ ЭБДО»: КОНФЛИКТ КАК ИСКУССТВО ГРАНИЦ

Весь мир ужаснулся кровавому преступлению в редакции Шарли Эбдо. Эпидемия акции «Я – Шарли» и довольно редкие попытки, вроде заявления герцога Анжуйского, пойти против течения и отделить себя от этой акции, так или иначе сводились к следующим выводам: чудовищный расстрел в редакции - варварский террористический акт, подлежащий безусловному осуждению, это не обсуждается и не подлежит сомнению; однако это преступление необходимо отделять от весьма важной общественной дискуссии, суть которой состоит в определении пределов свободы слова. А уже в этой сложной проблеме намечены две основные ветви проблематизации: карикатура есть жанр, суть которого состоит в обидном высмеивании и критике, и пока эта возможность критики иной системы ценностей существует, свобода слова как основа демократического общества жива и здравствует; и есть ценности, обладающие определенным иммунитетом, а потому свободу слова, презиращую любое мнение, кроме собственного, следует именовать не чем иным, как провокацией, создающей ненависть и разжигающей агрессию.

Представляется, что подобное «изоляция» теракта и дискуссии о свободе слова искусственно, ибо есть преступление, есть наказание как уже последовавшая (и ожидаемая, причем не только французским, а и всем мировым сообществом) реакция государства на совершенное деяние, и есть причины, вызвавшие столь многогранный социальный конфликт. И если говорить об уголовно-правовой плоскости оценок случившегося, то необходимо вспомнить о том, а что же представляет собой уголовное право, что это за инструмент в руках государства (и общества?), какие функции оно выполняет?

Традиционно мы говорим о важности таких наиболее значимых функций уголовного права: охранительной, регулятивной, превентивной.

Согласно первой, уголовное право охраняет наиболее значимые, важные для данного общества и государства отношения. Защищая их своим дамкловым мечом, оно констатирует значимость для данной конструкции этих ценностей, подчеркивает их базовость, возможно, придает им дополнительный вес и значение, маркируя их и бравируя собственной монополией на насилие.

В этом смысле важно понять, государственная монополия на насилие так же эффективна в современном обществе? Что является сдерживающим фактором, удерживающим монополию от безграничного расширения? Возможно, именно общество в лице своего рода антимонопольного комитета – свободы слова – позволяет удерживать определенный баланс в этой сфере. В связи со статусом акторов, участвующих в ограничении насильственной монополии, возникает вопрос: регулятивная функция уголовного права как наиболее интенсивного и потенциально опасного ограничителя прав и свобод по-прежнему состоит в упорядочивании отношений между государством и преступником? Или, быть может, архитектура этих отношений должна быть выстроена по-новому? Необходимо вернуть в круг участников уголовно-правовых отношений негосударственные формы контроля над насилием, расширить долю частного сектора в регуляции вопросов в публичной области?

Думается, эти идеи органично вытекают из современных тенденций, присущих правовому ландшафту. Речь, в частности, идет об усилении конвергенции, сглаживании различий между частным и публичным, между материальным и процессуальным, придании договору качества фактора, определяющего развитие публичного права. Особого внимания заслуживает попытка вернуться к пониманию преступления как уголовно-правового конфликта.

В этом конфликтном контексте новое звучание получают актуальные исследования, направленные на анализ проблем современной цивилизации – глобализация, фундаментализм, этнические и религиозные конфликты, рост социальной и этнической нетерпимости. Эстетика конфликта цивилизаций состоит в формировании поля межкультурного взаимодействия, где одновременно формируются два мощных вектора: гибридизации как

открытости для изменений, восприятия опыта «инаковости», установки на диалог, сближение, способности формировать круг общих ценностей и смыслов; и анклавизации как изолированности, замкнутости на себе, отстаивании собственной идентичности, активной репрезентации собственных ценностей и попытки проникновения в зону общих ценностей и даже вытеснения из них их первоначального смысла.

Идентичность и уникальность важны для самосохранения так же, как и способность к «мутации» и видоизменению. В этом диалектическом взаимодействии на первый план выдвигается вопрос о том, каковы возможности сгладить неизбежный конфликт и есть ли возможность у уголовного права реализовывать свою превентивную функцию в преступлениях, порождаемых такими конфликтами. Видимо, задача уголовного права в этой ситуации состоит в очерчивании условий, при которых общество управляется правом, а не произволом, и одними из таких условий должны стать кооперация социальных и государственных институтов в установлении, интерпретации и осуществлении общезначимых границ поведения, распределение политической власти между различными социальными институтами, формирование политики границ с учетом возможности их публичного обсуждения и корректировки, рассмотрение правообразовательного уровня такой политики с учетом самого широкого его понимания и мышления формальных общеобязательных правил лишь в качестве закономерного финального этапа, «венца творения», а никак не тождественного правообразованию явления.

При этом весьма предостерегающе в свете событий в парижской редакции выглядит высказанная Джоном Греем в «Поминках по просвещению» мысль об агональном либерализме. Термин «агональный» (agonistic) происходит от греческого слова *агон*, что означает столкновение, соревнование или схватка соперников, или же конфликт героев в трагедии. Агональный либерализм – это вид либерализма, основанный не на рациональном выборе, а на пределах рационального выбора, накладываемых на него радикальным выбором, который нам часто приходится делать между благами, по сути своей соперничающими, зачастую в принципе несовместимыми друг с другом, а

иногда несоизмеримыми или не поддающимися рациональному сопоставлению. Агональный либерализм – это приложение к политической философии моральной теории плюрализма ценностей – теории, согласно которой существует несводимое к единому знаменателю множество высших ценностей, и когда эти ценности оказываются в конфликте или соперничестве друг с другом, нет ни общего критерия или принципа, ни общей «валюты» или системы измерения, позволяющих такой конфликт разрешить или рассудить. Позиция, согласно которой в конфликтах, касающихся основных конституционных прав, не может быть компромиссных решений, а могут быть только приговоры суда, приносящие безусловную победу одной из сторон и полное поражение другой, очевидно прокладывает верный путь не к гражданскому миру, а скорее к утрате взаимопонимания и готовности к уступкам.

Вслед за Стюартом Хампширом Джон Грей вопрошает: «Если моральные и религиозные чувства людей по сути несовместимы и вызывают разногласия, как избежать войны всех против всех и как достигнуть степени консенсуса, необходимой для общественного порядка? Наиболее вероятный и исторически оправданный ответ – с помощью политического компромисса, посредством переговоров, основанных на правилах, путем арбитража, а иногда – судебных решений, опираясь на созданные для подобных целей институты, зачастую долго, медленно, поэтапно. Это сфера общественного разума, политических ценностей и добродетелей, где действуют моральные обязательства политического согласия. Справедливость и правосудие в либеральном обществе требуют существования признаваемых всеми институтами, позволяющих участникам конфликта изложить свои аргументы, требуют одинаковой для всех доступности этих институтов, установленных способов переговоров и закрепленных правил и обычаев юридической практики, полной ритуализации общественных конфликтов». И идет далее, отмечая, что не существует чисто политической лояльности, политическая лояльность – по крайней мере, когда она сравнительно стабильна, – предполагает культурную идентичность, отраженную в государственном устройстве, к которому обращена эта лояльность. В наши дни, в историческом контексте поздней

современности, стабильность любого либерального государства, как правило, зависит от его способности воплощать национальную культуру. И если у нас нет оснований ожидать мирной борьбы (agon) между различными культурами, то полезно вспомнить другое значение греческого слова agon – конфликт характеров в трагедии. Такие трагические конфликты — не конфликты между добром и злом, а (в понимании Гегеля) между одной и другой «правдой».

Подобные выводы ведут автора к агонистической перспективе традиционного либерализма, рожденного Просвещением. Крах проекта Просвещения как идеи прогресса единой цивилизации, рациональной и космополитической, приводит философа к выводу об иллюзии прогресса. По мнению Грея, знание развивается кумулятивно. А вот этика – нет. Она такая же, как была тысячу лет назад... В человеке или есть божественное начало прощения – или нет... И нужно всегда помнить о том, что человек в кратчайшие сроки может скатиться до состояния животного.

Политика происходит из этики, и в этической системе координат принятие «инаковости» проходит сложно и весьма неоднозначно. Однако же, как говорил Иосиф Бродский, эстетика - мать этики, и эта «связка» дарит надежду на раскрытие эстетики конфликта как потенциальной возможности примирения. Действенность этого потенциала реализуется через категорию границ. Границы вызывают уважение. И одновременно соблазн их преодолеть. И осознание собственной надменности по отношению к иным культурам ведет к формированию новой общности свободных людей. Такое общество может быть не глобальным, оно может не охватывать всю нацию. Оно каким-то иным, избирательным, свободным образом соединит своих членов. И если такое общество будет по-настоящему живым, то масштабы его расширения могут быть достаточно велики, чтобы говорить о новом Просвещении как эстетике коммуникативной саморегуляции социальных субъектов, формирующих новые стереотипы морально-правовых норм сосуществования, которые, в свою очередь, определяют тип правомерного поведения и требуют его соблюдения.

*Лілія Ярмол,
кандидат юридичних наук (м. Львов)*

СВОБОДА ВИРАЖЕННЯ ПОГЛЯДІВ ТА МЕЖІ ЇЇ ЗДІЙСНЕННЯ (У СВІТЛІ ТРАГІЧНИХ ПОДІЙ У ПАРИЖІ 7 СІЧНЯ 2015 РОКУ)

7 січня 2015 р. страшна трагедія у Парижі вразила увесь демократичний світ. Троє чоловіків, озброєних вогнепальною автоматичною зброєю, напали на штаб-квартиру французького сатиричного тижневика Charlie Hebdo¹.

Напад на редакцію журналу припав якраз на час ранкової наради, на котрій були присутні всі основні журналісти видання. Загинуло дванадцятьох, а саме: 2 правоохоронці, головний редактор видання і карикатурист Стефан Шарбоньє (він був у чорному списку терористичного угруповання «Аль-Каїда», бойовики полювали на нього за публікацію карикатур на пророка Мухаммеда); відомі журналісти-карикатуристи – Жан Кабю, Жорж Волинські, Бернар Вельяк та інші². Ще п'ятьох тоді ж було поранено.

Відповідальність за теракт взяло на себе єменське угруповання «Аль-Каїди» на Аравійському півострові, про це повідомив французький телеканал BFM-TV з посиланням на слова одного зі свідків трагедії³.

9 січня 2015 р. озброєний чоловік захопив заручників у кошерному магазині на сході Парижа. Загинуло четверо. П'ятнадцятьох співробітників магазину мусульманин Лассана Батілі врятував.

Ці події в Парижі стали особливим, безпрецедентним випадком порушення цілої низки прав людини – свободи вираження поглядів, права на життя,

¹ Напад на Charlie Hebdo : зловмисники втекли із заручником [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.ukrinform.ua/ukr/news/napad_na_charlie_hebdo_zlovmisniki_vtekli_iz_zaruchnikom_2008380 [доступ –07.01.2015 р.].

² Напад на Charlie Hebdo: кількість жертв зростає до 12 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.ukrinform.ua/ukr/news/napad_na_charlie_hebdo_kilkist_gertv_zroslo_do_12_2008388 [доступ –07.01.2015 р.]; Серед загиблих у редакції паризького журналу – головний редактор [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://espresso.tv/news/2015/01/07/sered_zahyblykh_u_paryzkomu_zhurnali_holovnyy_redaktor [доступ –07.01.2015 р.].

³ Відповідальність за обстріл паризького журналу взяла «Аль-Каїда» в Ємені. – ЗМІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://espresso.tv/news/2015/01/07/vidpovidalnist_za_obstril_paryzko_ho_zhurnalu_vzyala_al_kayida_v_yemeni_zmi [доступ –07.01.2015 р.].

охорону здоров'я, безпеку тощо. Вони підтверджують, що свобода вираження поглядів виступає однією з важливих можливостей людини та інших суб'єктів і має значний вплив на інші права.

Серед суб'єктів суспільства, для котрих вираження поглядів є їх невід'ємною професійною ознакою, виокремлюються журналісти.

Свобода вираження поглядів журналістами як суб'єктивне юридичне право – це можливість журналістів виражати у будь-якій формі, не забороненій законодавством держави, свої погляди та погляди інших суб'єктів, котра закріплена в юридичних нормах та забезпечується державою.

Загальновідомо, що будь-яке право, проголошене, визнане державою, зокрема і свобода вираження поглядів, не є абсолютним, воно має свої межі. Межі свободи вираження поглядів встановлені в основних міжнародних документах з прав людини та в законодавстві багатьох держав.

Заборона ж певної форми та змісту вираження поглядів журналістами безперечно залежить від держави, її демократичності, прагнення стати правовою, соціальною країною.

У Міжнародному пакті про громадянські і політичні права (ООН, 1966 р.), проголошено нормативні положення про те, що «кожна людина має право на вільне вираження свого погляду; це право включає свободу шукати, одержувати і поширювати будь-яку інформацію та ідеї, незалежно від державних кордонів, усно, письмово чи за допомогою друку або художніх форм вираження чи іншими способами на свій вибір (ч. 2 ст. 19).

Однак у ч. 3 ст. 19 названого Пакту передбачено, що користування вищеназваними правами накладає особливі обов'язки й особливу відповідальність. Воно може бути, отже, пов'язане з певними обмеженнями, які, однак, мають встановлюватися законом і бути необхідними:

- а) для поважання прав і репутації інших осіб;
- б) для охорони державної безпеки, громадського порядку, здоров'я чи моральності населення.

Конвенція про захист прав людини та основоположних свобод (Рада Європи, 1950 р.), проголошуючи право кожної людини на свободу вираження поглядів та окремі його можливості, також встановлює, що «здійснення цих

свобод, оскільки воно пов'язане з правами та обов'язками, може бути предметом таких формальностей, умов, обмежень або покарань, які встановлені законом і є необхідними в демократичному суспільстві в інтересах національної безпеки, територіальної цілісності або громадського порядку, з метою запобігання заворушенням або злочинам, для захисту здоров'я і моралі, репутації або прав інших людей, для запобігання розголошенню інформації, одержаної конфіденційно, або для підтримання авторитету і неупередженості правосуддя.

Виникає запитання, чи були порушені межі свободи вираження поглядів журналістами французького сатиричного тижневика Charlie Hebdo, передбачені у вищезазначених міжнародних документах з прав людини.

Однозначно можемо стверджувати, що будь-які форми вираження поглядів, навіть із порушенням міжнародних норм, норм законодавства конкретної держави, не виправдовують і не дозволяють посягати на життя, здоров'я, безпеку людини та частини суспільства.

Тижневик Charlie Hebdo відомий своїми карикатурами на пророка Мухаммеда¹. За день до теракту журналісти названого видання опублікували в Twitter журналу карикатуру на лідера радикального угруповання «Ісламська держава» Абу Бакра аль-Багдаді, що супроводжувалася підписом «З найкращими побажаннями, до речі»².

На наш погляд, карикатура на лідера радикального угруповання не є підставою для обмеження свободи вираження поглядів журналістами, відповідно ними не були порушені жодні межі цієї свободи.

Європейський Суд з прав людини (нижче за текстом – Суд) стосовно свободи вираження поглядів сформулював низку принципів тлумачення ст. 10 Конвенції про захист прав людини та основоположних свобод, серед них: преса відіграє істотну роль у демократичному суспільстві; свобода преси надає

¹ Напад на Charlie Hebdo : зловмисники втекли із заручником [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.ukrinform.ua/ukr/news/napad_na_charlie_hebdo_zlovmisniki_vtekli_iz_zaruchnikom_2008380 [доступ – 07.01.2015 р.].

² Серед загиблих у редакції паризького журналу – головний редактор [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://espreso.tv/news/2015/01/07/sered_zahyblykh_u_paryzkomu_zhurnali_holovnyy_redaktor [доступ – 07.01.2015 р.].

громадськості один з найкращих засобів для з'ясування та формування громадської думки щодо ідей та позицій політичних лідерів.

Так, у рішенні, ухваленому 3 липня 2007 року у справі «Газета «Помік» проти Молдови (№2)», Суд звернув увагу на те, що відповідний матеріал був написаний журналістом. У зв'язку з цим Суд нагадав про пріоритетну роль преси у демократичному суспільстві щодо висловлення ідей та думок про політичні питання і справи громадського значення загалом. Нижче Суд підкреслив, що свобода журналістської думки передбачає також і можливість вдаватися до певного ступеня перебільшення, навіть провокації.

Карикатури на пророка Мухаммеда журналістів тижневика Charlie Hebdo безперечно «зачепили», вплинули не в позитивному розумінні на релігійні переконання деяких представників ісламу. Ще у 2005 році, коли данське видання Jyllands-Posten опублікувало карикатури на пророка Мухаммеда, був спровокований гучний міжнародний скандал (а 2006 року журнал Charlie Hebdo передрукував ці малюнки)¹.

Чи такі карикатури на пророка Мухаммеда можуть бути підставою для обмеження свободи вираження поглядів журналістами, зокрема заради поважання прав інших осіб (мова йде про релігійні права)?

На наш погляд, щоб дати відповідь на це запитання, необхідно докладно проаналізувати мету, яку ставили перед собою журналісти, публікуючи карикатури. Якщо вони були справді спрямовані на те, щоб образити релігійні почуття, віру мусульман, то, безперечно, були порушені межі свободи вираження поглядів. Якщо ж ці малюнки були пов'язані з оцінкою діяльності терористичних ісламських організацій, які прикриваються релігійною вірою і виправдовують тим самим свої вчинки, то немає жодних порушень меж свободи вираження поглядів журналістами.

На наш погляд, журналісти тижневика Charlie Hebdo, створюючи карикатури на пророка Мухаммеда, не мали на меті образити релігійні права, почуття, віру мусульман. Серед загиблих під час нападу терористів на редакцію

¹ Данський журнал, який теж публікував карикатури, посилив заходи безпеки через теракт у Франції [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://espreso.tv/news/2015/01/07/danskyy_zhurnal_yakyy_tezh_publicuvav_karykatyry_posylyv_zakhod_u_bezpeky_cherez_terakt_u_franciyi [доступ –07.01.2015 р.].

газети Charlie Hebdo, був і французький поліцейський Ахмеда Мерабе, мусульманин за віросповіданням, який охороняв цю редакцію¹.

Генеральний секретар ООН Пан Гі Мун зазначив, що атака терористів на видання Charlie Hebdo в Парижі є прямим нападом на свободу висловлення думок і вона була жахливим, невиправданим та холоднокривним злочином².

Муфтії України Саїд Ісмагілов від імені мусульман також засудив цей злочин, назвавши його шоком для європейської мусульманської спільноти³.

Відбулися масові акції в Парижі, Ліоні, Ренні, Нанті, Тулузі, Страсбурзі та в багатьох інших містах світу на знак солідарності із загиблими журналістами та іншими постраждалими в Парижі.

У Франції 11 січня 2015 р. у пам'ять жертв терактів пройшли мітинги (марш єдності), у яких взяли участь близько 3,3 млн. осіб, серед яких багато відомих політичних та інших діячів світу.

¹ Мусульманин врятував 15 людей під час теракту у єврейському магазині Парижа [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://espreso.tv/news/2015/01/11/musulmanyn_vryatuvav_15_lyudey_pid_chas_teraktu_u_yevreyskomu_magazyni_paryzhu [доступ –11.01.2015 р.].

² Генсек ООН засудив стрілянину в Парижі: це напад на демократію [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://espreso.tv/news/2015/01/07/hensek_oon_zasudyv_strilyanynu_v_paryzhi_ce_napad_na_demokratiyu [доступ –07.01.2015 р.].

³ Відповідальність за обстріл паризького журналу взяла «Аль-Каїда» в Ємені. – ЗМІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://espreso.tv/news/2015/01/07/vidpovidalnist_za_obstril_paryzkoho_zhurnalu_vzyala_al_kayida_v_yemeni_zmi [доступ –07.01.2015 р.].

СВІТОВИЙ ДИСКУРС НАВКОЛО ТРАГЕДІЇ CHARLIE HEBDO ТА ЇЇ НАСЛІДКІВ

Папа Римський Франциск

Виступаючи перед журналістами, які супроводжують його в поїзді на Філіппіни, папа Франциск заявив, що напад на журналістів був страшною помилкою і що жорстокість в ім'я Боже не може бути виправдана.

Папа захищав право на вільне висловлювання думок, але при цьому заявив, що воно має межі, особливо в тому, що стосується нападок на релігійні переконання.

«Якби мій добрий приятель доктор Гаспаррі (які організує поїздки папи), образив мою матір, він отримав би по обличчю», - сказав папа, роблячи вигляд, що б'є доктора, що стояв поруч. "Ви не має права на провокацію Віру не можна висміювати, тут є межа.", – Сказав папа.

Саїд Ісмаїлов, муфтії (Україна):

«Від імені мусульман України висловлюю співчуття родичам усіх загиблих сьогодні журналістів журналу Charlie Hebdo в Парижі. Незважаючи на те, що журнал публікував карикатури на пророка Мухаммада (мир йому!), що, безсумнівно, ображає релігійні почуття мусульман, такі питання повинні вирішуватися цивілізованим способом у правовому полі кожної конкретної країни. Господь їм суддя. Іслам не дозволяє влаштовувати насильство, вбивства і беззаконня, тому сьогоднішній злочин став шоком для всього європейського мусульманського співтовариства. Ми не знаємо, були злочинці мусульманами чи ні, пов'язано це з карикатурами або пов'язане із зовнішньополітичною позицією Франції, але нам дуже неприємно, що в черговий раз звинувачують Іслам і мусульман. Навіть якщо виявиться, що злочинці вважають себе мусульманами, ми – мусульмани Європи засуджуємо такі дії».

Девід Брукс, колумніст New York Times (США)

«Міркуючи про провокаторів та кривдників, ми хочемо зберегти стандарти поваги і ввічливості, одночасно залишаючи місце для творчих і незвичайних хлопців, що стримують себе завдяки добрим манерам і самку. ... Здорові суспільства не пригнічують слово, але вони дійсно гарантують різне бачення різних груп людей. Мудрі і помірковані вчені вислуховуються там з глибокою повагою. Сатирики вислуховуються з небаченою самоповагою. Расистів і антисемітів вислуховують крізь фільтр з безчестя і неповаги. Люди, які прагнуть бути почутими, мають заслужити на це своєю поведінкою. Масове вбивство у Charlie Hebdo має бути приводом для того, щоб покласти край корпоративним правилам мовлення. І має також нагадати нам бути толерантними до ображаючих речей, навіть коли ми належимо до соціально дискримінованої групи».

Людмила Улицька, письменниця (Росія)

«[Табу] це питання особистої відповідальності художника. Цей кордон кожен встановлює для себе сам. Зона табування поступово зменшується – і в літературі, і в образотворчому мистецтві. Тут не може бути ніяких законів, це не таблиця множення. У нашому повсякденному житті є багато смішного, але ми не помічаємо цього. Гостре і свіже око художника часто допомагає відновлювати відчуття реальності. Сьогодні в нашому світі йде дуже важливий і складний процес глобалізації, тобто вибудовування якоїсь усередненої загальнолюдської культури, в якій повинні взаємодіяти між собою погляди і образи з різних культур. Це болючий процес. В останні роки вже обговорювалася і проблема носіння хіджабу, і факт наявності католицького хреста в школі, де крім католиків навчаються і мусульмани. Ми повинні всі без винятку вчитися толерантності. Жоден розсудливий мусульманин не схопиться за автомат, захищаючи честь пророка Мухаммеда. Це роблять засліплені ненавистю люди. Критичне ставлення до будь-яких догмам –

властивість думаючої людини. Але також властивість мислячої людини – зважити ці самі ризики».

Славой Жижек, філософ (Словенія)

«Реагувати на вбивства у Парижі означає відкинути чванливе самовдоволення поблажливого ліберала і визнати, що конфлікт між ліберальною уседозволеністю та фундаменталізмом у кінцевому рахунку є фальшивим. Це порочне коло з двох полюсів, що генерують і обумовлюють одне одного. Те, що у 1930-х Макс Горкгаймер казав про фашизм і капіталізм – ті, хто не хочуть критикувати капіталізм, мають також мовчати про фашизм – слід також застосовувати і до сучасного фундаменталізму: ті, хто не хочуть критикувати ліберальні демократії, мусять також мовчати про релігійний фундаменталізм».

Антоніо Негрі, філософ (Італія)

«Наслідки нападу 7 січня такі самі, які з усіма «терористичними» атаками подібного ґтибу. Тепер ми знаємо суть: оди безпеці, апологія поліції і службі безпеки, ненависть до ворога, попередження усіх про те, які вони небезпечні, тощо. І крім того, у цьому випадку ще й демонізація ісламської загрози. Ми ще не знаємо, які будуть наслідки маршу 11 січня. Щоб бути більш точним: багато хто буде думати, що чотири мільйони французів усіх кольорів і релігій, які вийшли в ім'я «fraternité», були просто обмануті, і що вони не зможуть відстояти свої демократичні переконання перед обличчям державного расизму і витівками влади. Та я думаю, що ця демонстрація може бути початком зміни цього сценарію, і що вона зможе заблокувати – або, принаймні, стане початком опору – зміцнення фашистських і шовіністичних правих сил в Європі. Ця «демо-версія» справляє позитивне враження: вона справді не виглядає на протести фашистів і католицьких фундаменталістів восени (йдеться про протести проти легалізації одностатевих шлюбів у Франції у 2014 році)».

Юрій Черноморець, релігійний філософ (Україна)

«Події у Франції не розмежовують християнську чи постхристиянську цивілізацію із мусульманською. Вони розмежовують культуру взагалі та нігілізм узагалі. Ісламський тероризм як ідеологія не менш нігілістичний, ніж світогляд карикатуристів. Вони нібито відновлюють «чистий іслам». Заради цього уся ісламська тисячолітня культура оголошується «забобонами», які мають бути знищені. Із завзяттям більшовиків руйнуються ісламські та неісламські святині. Оголошуються «невірними» мільйони мусульман, кожного з яких можна і потрібно вбивати. На наших очах мусульманська цивілізація не постає проти християнського і постхристиянського світу, а переживає власну кризу, яка поєднує у собі найгірші риси візантійського іконоборства, європейської реформації, російського більшовизму. На жаль, низка мусульманських країн із симпатією дивився на радикалів. Так само, як колись французькі інтелектуали захоплювалися Сталіним. Протверезіння мусульманського світу – необхідне як повітря. І воно має бути таким само, як колись і Вестфальський мир 1648 року: кожен має право на власні переконання. Кожен має право на гідність. І ці переконання та гідність треба поважати. Мусульманський світ не прийде до цієї істини, якщо Захід не показуватиме приклад поваги до гідності та переконань кожного. Якщо Захід не згадає, що гідність та свобода іншого, його особистість та ідентичність — це є межі моєї свободи думки і слова. Не згадає, що у суспільстві справді є недоторканні — і це кожен ближній та дальній. Світ політичної карикатури має залишити своїми персонажами тих, хто вирішив піти на публічний театр — тобто політиків. Це люди, які ризикують своєю гідністю і беруть участь у ризикованій авантурі. Усі інші мають право на повну недоторканність їхньої гідності як святині. Євреї мають право на те, щоб у Франції на початку XXI століття не було антисемітських карикатур, мусульмани – на те, щоб не було антимусульманських, католики – щоб не було антикатолицьких».

Олів'є Руа, політолог-східознавець (Франція)

«Всупереч розхожій думці, факти свідчать про те, що французькі мусульмани набагато сильніше інтегровані в суспільство, ніж прийнято думати. Серед жертв усіх «ісламістських» терактів останнього часу завжди виявляється хоча б один мусульманин зі служб охорони порядку: так, в 2012 році в Тулузі Мохаммед Мера вбив французького військовослужбовця Імада Ібн Зіатена, а під час нападу на «Шарлі Ебдо» загинув бригадир поліції Ахмед Мераб, який намагався зупинити нападників. Але їх приклад вважається [громадською думкою] не правилом, а винятком: «справжні» мусульмани – це терористи, а всі інші – виключення. Однак статистика стверджує протилежне: у французькій армії, поліції і жандармерії мусульман більше, ніж у мережах «Аль-Каїди», не кажучи вже про різних адміністративних органах, медицині, адвокатурі або освіті»

Анн Ніва, журналіст (Франція)

«Адже правда і в тому, що деякі з нас (і вони теж – французи) були зовсім не в захваті від карикатур на Пророка. І в тому ще, що незабаром після початку поліцейської операції проти терористів в мережі безжальним луною на всесвітнє «Я – Шарлі» відгукнувся хештег «Я – Куаши», від якого посправжньому нудило. І ще такий факт: аж ніяк не всі діти і підлітки у наших світських, «республіканських» школах виявили готовність дотримати хвилину мовчання, оголошену владою 8 січня в пам'ять про невинно убієнних. Ні, замість мовчання в наших школах почулися інші, хоча й досить тихі, голоси в той день – голоси «проти». І вчителі різко ополчилися за ці голоси на учнів – тих, хто подав їх. Сталося зіткнення відмінностей, які покликані були збагатити наше суспільство, але замість цього стали баластом. Я знаю, що не мусульманину незрозуміло, яким чином сміх над пророком може сприйматися як богохульство, як жахливе приниження. Але це – факт. Це – реальність. І замість того, щоб заперечувати її, чи не краще спробувати позначити її межі? Так, мусульманин має право бути ображеним такого роду богохульством, якщо тільки ця образа не трансформується в тероризм і

пособництво йому. Але натомість і мусульманин повинен зрозуміти: у Франції такий малюнок має право бути опублікованими».

Томас Фрідман, журналіст (США)

«Барака Обаму критикують за те, що він не взяв участь в паризькому Марші єдності і навіть не відправив туди досить високопоставленого американського чиновника. Критика справедлива. Але це так типово для нинішньої американської політики – звертати увагу на поверхневі аспекти, а не на те, що могло б стати дійсно серйозним ударом по терористичній загрозі. І для цього необхідний не марш, який очолив би Обама, а марш, абсолютно з ним не пов'язаний. Це мільйонний протест проти тероризму, проведений арабами і мусульманами, який був би звернений до таких же арабів і мусульман, і організований без прохань та участі Заходу. Присвячений не терактам у Парижі, а мусульманам, загиблим від рук джихадистів в Пакистані, Ємені, Іраку, Лівії, Нігерії та Сирії».

Віктор Шендерович, письменник (Росія)

«Парижская мечеть. Входит Шендерович.

Шендерович. Здравствуйте. Я сатирик.

Мусульмане. Кого ты обидел?

Шендерович. Вот список.

Мусульмане зачитывают список.

Мусульмане. А где Мухаммад?

Шендерович. Да кому он нужен, ваш Мухаммад!

Голос из-под купола. А вот сейчас реально обидно.

Занавес».

ДЛЯ ПОДАТОК

ДЛЯ ПОДАТОК

Підписано до друку 24.02.2015 р. Формат 60х90 1/16.
Папір офсетн. Друк – різнографія. Ум. друк. арк. 5,95
Гарнітура Times New Roman. Наклад 100 прим. Зам. №03-02/15

«ФОП Напольська А.В.»
Виписка з ЄДР ЮО та ФОП № 24800000000152491
м. Харків вул. Петровського, 34
т.: 700-42-81